

Сергей Шишков

**Эхо
любви**

Роман

Сергей Шишков
Эхо любви. Роман

«Издательские решения»

Шишков С. И.

Эхо любви. Роман / С. И. Шишков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853661-8

Книга «Эхо любви» написана под впечатлением событий детства и путешествий по России. Автор вовлекает героев книги в прекрасный мир уральской природы, где они находят силы противостоять злу фашизма в годы Великой Отечественной войны. Многие из них погибают, оставляя о себе долгую и светлую память. Это книга также о любви и мудрости жизни, которые главный герой Иван Шишков проносит с собой через сложный период послевоенной жизни.

ISBN 978-5-44-853661-8

© Шишков С. И.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая. Плыли утки по каналу	6
Глава 1. Плыли утки по каналу	6
Глава 2. Машенька	9
Часть вторая. Дорога в горы	23
Глава 3. Златоуст	23
Глава 4. Дорога в горы	36
Глава 5. В этих камнях столько богатства	43
Глава 6. Откликное эхо	49
Глава 7. Ванечка приехал	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Эхо любви

Роман

Сергей Иванович Шишков

© Сергей Иванович Шишков, 2017

ISBN 978-5-4485-3661-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Плыли утки по каналу

Глава 1. Плыли утки по каналу

*Бог дал нам память для того, чтобы
у нас всегда были розы в декабре.*

Надежда Петровна смотрела в окно, наблюдая, как вдоль берега канала по воде вслед за мамой уткой плыли утята.

Подумав о том, что и она была когда-то маленькой, что и у неё были родители, её пронзило ощущение близости своей мамы, вспомнив, как девочкой залезала к ней на колени и слушала завораживающий голос.

О боже, как давно это было.

Продолжая следить за утиным выводком, женщина улыбнулась тому, как неожиданно глава семейства, плывший рядом, нырнул в воду, показав хвост, словно это был для утят знак, увидев который, все остальные, словно по команде, тоже показали свои хвосты.

Вынырнув, они поплыли к противоположному берегу, где в воде отражался стройный остров высокой колокольни, от которой неожиданно зазвучали колокола.

Надежда Петровна, заметив, что утки, оставив рябь на гладкой поверхности воды, скрылись под мостом, подняла голову и увидела в пролёте под позолоченной кровлей маленького человечка, размахивавшего в такт звона руками.

Его усилием вздыхали басы и рассыпались тысячи колокольчиков, и она вдруг представила, как эти звуки стали кружить над ней, растворяясь в пространстве. Всё более и более доверяясь звону колоколов, она поняла, что это вовсе и не звуки трогали её, а тысячи мелких и неуловимых событий и чувств, скопившихся в ней за многие годы жизни.

Она открывала в себе щемящий душу мир своей прошлой жизни, вспомнив, как в детстве, всякий раз проходя мимо этой колокольни, протягивала нищим копеечку, которую специально для этого события со словами «даёшь нищему – Христу даёшь» вкладывала ей в руку её мама Арина Сергеевна.

А ещё ей вспомнилось, как они после этого заходили в Никольский храм к иконе «Утоли мои печали», перед которой произносили молитву. Она, маленькая девочка, смотрела на чудный лик богородицы и, подражая маме, троекратно крестилась.

Помолившись, они шли домой, где их ожидал Пётр Иванович, её папа.

Перебирая в памяти разные события детства, на какое-то время Надежда Петровна словно растворилась в них.

Она представила себе облик своих родителей, но не могла уловить тонкие черты их лиц, отчего сильно расстроилась, одновременно, понимая, как давно их не стало. Они умерли как-то сразу друг за другом, оставив её с сестрёнкой Катей одних.

Сейчас к ней явилось состояние той растерянности и опустошённости, когда, проснувшись однажды утром, не обнаружила родителей дома. Тогда, чтобы выжить, ей по совету соседей пришлось поступить на курсы медицинских сестёр, а потом на работу в больницу, окунувшись в мир взрослой жизни, и в девятнадцать лет почувствовать всю ответственность за жизнь своей младшей сестры. Работа и забота о сестрёнке заняла всё её время.

Неожиданно на глаза стали накатываться слезы, пеленой закрывая перед ней и вид колокольни, и золотые купола храма, но, выплакавшись, она стала думать о том, как потом круто менялась её жизнь и как в ней родились мысли о создании собственной семьи. Мечты о любви и желание найти того, кто был создан для неё, стали будоражить её сознание. Девушка верила,

что такой юноша находился где – то рядом, и что она обязательно найдёт его и сделает всё, чтобы быть преданной ему до конца жизни.

Встреча с ним произошла в больничной палате, где, измеряя температуру тела молодого человека, тот неожиданно коснулся её руки, отчего лёгкие мурашки пробежали по коже.

Первое их свидание позже состоялось в Никольском саду у памятника погибшим морякам, куда ранее подходила она с мамой, поминая гибель своего отца.

Мама рассказывала, как во время шторма, баржа, на которой он служил, перевернулась и утонула на Неве вблизи Васильевского острова у здания Горного института. Никого из находившихся там людей найти не удалось, не нашли и его.

Надежда посвятила Ивана, так звали молодого человека, в эту трагическую историю её отца, отчего тот проникся к ней сочувствием, открыв ей историю и своей жизни.

Тогда она узнала, что родом Иван был из маленького городка Почепа, затерянного где-то в средней полосе России, и приехал в Петербург, чтобы учиться, став студентом Горного института.

Надежда Петровна подумала о том, как иногда мысли превращаются в реальность и как странно всё сместилось к этому зданию, неужели гибель отца была знаком для её мужчин, ведь судьба свела не только её мужа, но и сына с этим заведением, оба они стали геологами.

Их отношения с Иваном развивались стремительно, и, став мужем и женой, счастливо прожили вместе почти два десятилетия. У них родился сын, которого тоже называли Иваном.

Неожиданно её чувства перенеслись на сына. Вспомнив, как впервые повела мальчика к зданию института, она представила себе тот момент, как они поднимались по высоким гранитным ступеням к белой колоннаде. Солнечный свет, усиливавший белизну колонн, слепил ему глаза, словно оттесняя мальчика в тень, отходящую от колонн, а он уводил её, маму, туда, где была дверь, из которой выходили студенты. Тогда они впервые вместе вошли внутрь высокого светлого зала, где на подставках стояли десятки скульптур, указывавших им путь ещё дальше в другой зал. Войдя туда, мама с сыном оказались в огромном пространстве, заполненном многочисленными витринами с камнями разных цветов и форм.

Там, следуя за сыном, который настойчиво переходил от витрины к витрине, Надежда Петровна впервые поняла, что отныне первенство интересов переходило к нему, и ей оставалось молчаливо следовать за ним, вглядываясь в отдельные детали экспонатов, читая надписи. Она несколько раз пыталась отвлечь его от такого интереса, но мальчик всячески сопротивлялся.

Наконец, он сказал:

– Мама, здесь всё так интересно. Мы придём сюда ещё?

Конечно, мама ответила положительно, а Ваня, придя домой, достал чистую тетрадь и озаглавил её словами «Горы и клады».

Потом, многократно посещая этот и другие музеи города, он заносил в заведённую тетрадь сведения о самых знаменитых коллекциях камней, добытых великими путешественниками.

С тех пор увлечение горным делом продолжало занимать его всё больше и больше, сформировав в нём представление о его будущей профессии.

Через несколько лет он стал студентом, и каждый год с наступлением лета отправлялся на практику, обычно в Карелию.

Мама переживала за него, но, привыкшая к отъездам мужа, свыклась и с разъездами сына.

После окончания института горный инженер Иван Шишков поступил на работу в геологический институт, который направил его в экспедицию на Урал.

И вот сейчас Надежда Петровна, погрузившись в воспоминания и глядя на колокольню, подумала о том, как быстро пролетело её время.

Заново проживая его, она пыталась отыскать в нём некую чистоту и подлинную ценность, не заметив, когда прекратился колокольный звон.

Продолжая смотреть в окно, она увидела, как из – под моста вновь выплыли вслед за своими родителями утята. Понаблюдав некоторое время за их плавным и согласованным движением по воде, она подумала о муже.

Надо сказать, что в это лето тысяча девятьсот тридцать девятого года она из-за болезни её сестры осталась в Петербурге, хотя каждое лето вместе с мужем уезжала в Почеп. На этот раз муж Иван Петрович уехал один и пребывал у своих пожилых родителей.

Она знала также, что к нему должен был по окончании экспедиции приехать их сын Иван, которого в детстве почти каждый год привозили к дедушке и бабушке, но в студенческие годы появились другие интересы, поэтому несколько лет подряд он там не появлялся.

Сейчас, сидя у окна и вспоминая разные случаи из своей жизни, она вдруг почувствовала, как в тоске по мужу и сыну и от одиночества стало сжиматься её сердце и, чтобы успокоить себя и почувствовать свою близость к ним, захотела написать им письмо.

Глава 2. Машенька

Иван возвращался из уральской экспедиции в начале августа месяца и рассчитал время так, чтобы вместе с днями отпуска он мог провести некоторое время на родине своего отца Ивана Петровича. Ему очень хотелось увидеть дедушку Петра Гавриловича и бабушку Мавру Анисимовну, а также повзрослевших его друзей, с которыми ранее проводил каждое лето.

Добирался он поездом через Москву, где купил цветной платок для бабушки, две летние рубашки для отца и дедушки, да много московских конфет.

Поезд на вокзал в Почеп прибыл в полдень воскресенья 6 августа. Сердце от волнения трепетало в груди в предчувствии встреч с родными людьми, представляя, как они неожиданно обрадуются его появлению.

Надо сказать, что Ваня в первый раз ехал сюда самостоятельно, ведь ранее он приезжал к бабушке с дедушкой то с мамой, то с папой. Дорогу от вокзала он помнил хорошо, поэтому уверенно шёл к дому. Стояла отличная погода, ярко светило солнце, хотя по небу и проплывали ватные густые облака.

Перейдя по мосту через быструю речку, он дошёл до главной площади с высокой церковью, потом пересёк ещё одну узкую, но шумную от быстроты течения реку, прошёл по извилистой части улицы, откуда открывалось широкое пространство луга, и стал подниматься в гору, где на обрыве увидел старую церковь святого Ильи.

Возле церкви он остановился, чтобы перевести дух, и посмотрел на фреску с изображением святого: седой грозный старик в тяжёлых ниспадающих одеждах, поднявшись над горами и зажав меч в кулаке правой руки, указывал на тёмные тучи, нависшие за его плечами.

В его левой руке находился раскрытый лист, но прочесть то, что в нём написано, Ваня не смог по причине неразборчивости текста.

Возбуждённое состояние молодого человека вовсе не испортилось от сумрачного вида святого пророка, и он продолжил подниматься по улице, ведущей на гору. Поднявшись наверх и сделав ещё один поворот, он узнал школу, где учились его почепские друзья, а за ней сразу свернул в переулочек, где и находился его милый сердцу дом.

Перед ним он остановился, ранее открытый двор теперь был закрыт новым забором с высокими проездными двухстворчатыми воротами и калиткой, возведёнными в его отсутствие. Створки ворот красовались между толстыми дубовыми вертикальными опорами. Привлёк его внимание и ряд коротких фигурных дощечек, скреплённых по верху основания ворот.

– Ну, дед Пётр, смастерил такие ворота, каких ни у кого в переулочке нет, – произнёс он негромко и нажал на язычок клямки входных ворот.

Дверная задвижка тихо звякнула, и в этот момент Ваня услышал голос бабушки Мавры:

– Ой, кто-то к нам идёт.

Дверь растворилась, и Ваня увидел её, спешащую к нему навстречу. В конце двора с любопытством в его сторону также смотрели отец Иван Петрович и дед Пётр Гаврилович.

– Ой, любимый внучек приехал. Радость явилась в наш дом, – громко нараспев произнесла бабушка и бросилась обнимать его. Расцеловав, она отстранилась от него, продолжая говорить:

– Дай я погляжу на тебя, как давно я своего внука не видела. Высокий какой! Прямо красавец! Мой дорогой мальчик взрослым стал!

Тут же к ней подошли отец и дед.

– Сын мой прибыл, радость какая к нам явилась! – сказал Иван Петрович и обнял Ваню.

Поцеловал внука и дед Пётр, сказав:

– Я бы и не узнал тебя, как ты вырос.

Тут же вступилась за внука бабушка:

– Ванечку моего родного, да как же не узнать?

Ваня, освободившись от объятий, произнёс:

– Я очень рад вас всех увидеть. Какой крепкий забор вы построили, любо глядеть.

На что дед Пётр ответил:

– Всем миром строили, отец твой очень помог. Теперь все животные и птицы не разбегаются, как раньше. Попробуй, слови их, ведь мы уже старые.

– Ваня устал с дороги, его нужно кормить, пойдёмте все в дом, – сказала бабушка и первой стала подниматься по ступенькам на крыльцо.

Иван пошёл за ней и уже собрался из него вступить в земляные сени, как это было раньше, но вместо них через открытую дверь увидел большую комнату с деревянным полом, а в ней белую русскую печь.

От неожиданности он воскликнул:

– Что видят мои глаза? Такие перемены в доме, прямо хоромы возвели.

– Да, для тебя мужчины старались, – ответила бабушка.

Ваня, положив свою сумку на скамью, стоявшую у стены, подошёл к печи и погладил её рукой. Белый след от мела, которым была выбелена печь, остался на его ладони.

Бабушка, сказав, чтобы он не прикасался к печи, потому что та побелена и пачкает одежду, тут же распахнула находившиеся рядом выкрашенные белые новые двустворчатые двери, добавив:

– Теперь пойдём на кут и в твою комнату.

Ваня, шагнув через высокий порог, оказался в ещё большей комнате, посреди которой стоял большой грубо сколоченный из досок круглый стол. Он обратил внимание и на новый большой комод, к которому примыкал с высокой спинкой мягкий диван. Рядом были расставлены стулья с круглыми сидениями.

Оглядевшись, он произнёс:

– Теперь у вас как в городе, модный комод, диван, чистота и порядок!

Бабушка ответила:

– Твой отец сказал, чтобы было чисто и красиво. Вот мы и постарались. А теперь я покажу твою комнату, – и открыла ещё одну дверь.

Комната была маленькая с кроватью и тумбочкой с зеркалом, на окнах были повешены светлые шторы. Открыв рукой одну из них, он увидел много жёлтых георгинов, росших в палисаднике.

Видя такую бабушкину заботу о нём, Ваня, не дожидаясь прихода всех родственников, сказал:

– Бабушка, ты у меня самая лучшая, я так тебя люблю, – и, достав из своей сумки платок, купленный в Москве, вручил ей.

Мавра Анисимовна ещё более растрогалась и заплакала:

– Зачем ты деньги потратил? – сквозь слёзы произнесла она и стала надевать платок себе на голову.

А, подойдя к зеркалу, оценила его:

– Какой красивый платок. Мягкий и тёплый. Угодил ты своей бабушке. Спасибо за подарок.

Покрутившись перед зеркалом, она вдруг сказала:

– А теперь мыть руки и к столу. Пойду накрывать обед. Печь у нас хорошая получилась.

Ваня мыл руки, наблюдая за тем, как бабушка, открыв заслонку, ухватом вынимала из печи, пышущей жаром, чугунок, горшки да сковороды и вываливала большой ложкой их содержимое на глубокие тарелки.

Ваня успел помочь бабушке носить их на стол, за которым уселись его отец и дедушка.

Ему было приятно вновь оказаться дома, в кругу родных людей, видеть их заботу, сочувствовать их постаревшим лицам и радоваться их открытости и желанию делать добрые дела.

Сытная и здоровая еда пришла мужчинам по вкусу. Иван давно не ел такого аппетитного борща с косточкой, тушёной картошки с солёным огурцом, драников.

Пётр Гаврилович, желая похвалить свою жену и глядя на неё, сказал:

– Не та хозяйка, что много говорит, а та, что щи варит. Наша хозяйка дом держит крепко, и с печью справляется отлично.

Мавра Анисимовна, услышав похвалу, ответила:

– Для вас стараюсь. Кто голоден, тот и холоден. Знаю, что только поп да петух не евши поют.

Обратившись к Ване, она произнесла:

– Ванечка, ешь-пей, всё своё, домашнее. В экспедициях ты совсем отощал. Я тебе сейчас молочка топлёного принесу. Помнишь, как ты пенку любил? Вот, целый кувшин молока стопила, – она быстро поднялась, а через минуту принесла его в обеих руках.

Поставив на стол подгорелый кувшин, она стала с его внутренней стороны ложкой соскребать подгорелую пенку и класть в чистую кружку. Затем, налив туда густого горячего молока и сказав «Ванечке первому», протянула её ему. Ваня взял в руку кружку и, почувствовав её обжигающую силу, сразу поставил на стол, чтобы потом медленно и с огромным удовольствием мелкими глотками впитывать в себя эти коричневатого цвета протопленные сливки.

Уже после обеда ему стали задавать разные вопросы, на которые он старался отвечать уверенно и по – взрослому. Они в основном касались его экспедиции на Урал.

Пётр Гаврилович в основном расспрашивал об опасностях путешествия и уральских городах. Он сам за свою жизнь ещё никуда не выезжал, поэтому ему было интересно узнать о новых землях.

Иван Петрович больше спрашивал о людях, с которыми Ваня проводил своё время. Ему интересно было узнать о его друзьях, насколько их действия и мысли влияли на развитие его сына.

Только к вечеру, когда солнце уже наклонилось к горизонту, он вышел из дома.

Пахнуло тёплой свежестью предстоящего вечера. Стоя на крыльце дома, он вновь обратил внимание на свежие полосы дощечек, которые чёткими вертикалями оживляли забор, и представил себе двор без этих ворот, как это было раньше. Тогда он иногда после бабушкиной дойки сам выпускал из сарая корову, а та свободно выходила на переулок и включалась в стадо, которым руководил нанятый жителями переулка и всей улицей пастух. Запомнился ему даже не сам пастух, а пуга, длиной метров пяти, которой он больно хлестал коров, чтобы те его слушались, он видел это стоя прямо на открытом дворе.

Пугой, как важным инструментом пастуха, он одно время очень интересовался и даже держал её в руках, но ему было жалко коров, особенно свою Бурёнку, которой, как он думал, тоже доставалось.

Теперь, подумал Иван, отсюда этого уже увидеть невозможно. Замкнутый забором двор сосредоточил его внимание на отдельных деталях, уводивших его в то время, когда приезжал сюда каждое лето. Он любил этот двор, потому что здесь царила свободная от пристального внимания родителей и городской питерской жизни обстановка.

Стоя на крыльце, ему казалось, что оно нисколечко не изменилось: тот же навес, то же топчан – место для ведра воды, которое было всегда наполнено. Как вкусна была тогда холодная вода! Набегаешься с ребятами и скорее к ведру, зачерпнёшь её в кружку и залпом всю опустошишь в себя.

Он и сейчас не удержался и подошёл к ведру. Та же кружка лежала рядом с ведром. Зачерпнув ею воду, внимательно рассмотрел, как она всколыхнулась в цинковом ведре, словно играя с ним.

Выпив воду, Ваня спустился со ступенек крыльца во двор, заметив, что дедушка низким забором отделил его и со стороны огорода, который сильно изменился. Это был скорее не огород, а сад. Те маленькие деревца, которые он видел лет пять назад, выросли и превратились в большие деревья, на которых висели покрасневшие яблоки.

Но прежде чем пройти в сад, он зашёл в сарай. Там тоже всё было по-прежнему: та же пунька, за дверцей которой хрюкал поросёнок, на отдельной широкой полке лежали дедовы инструменты, а в углу были набросаны колотые дрова. Ваня решил по лестнице забраться на чердак в то место, где ранее дедушка хранил сено. Раньше он любил забираться туда. Хорошо было лежать на сухом сене и вдыхать в себя аромат необыкновенных запахов. А ещё он любил через небольшое окошко, вырезанное дедом в самом верху, просматривать окрестности: оттуда хорошо была видна почти половина города и широкая низина с протекавшей посередине рекой.

На чердак он поднялся, но сена не обнаружил, поэтому тут же опустил вниз.

Стоя во дворе, он посмотрел на соседский участок, где стоял недостроенный домик и совершенно пустой огород. Участок принадлежал хозяину по прозвищу Лушка, он точно это запомнил. Дедушка говорил, что своего жилья у него не было, поэтому ему приходилось помогать строить этот дом. Почему дом так и не был достроен, Ваня не знал.

Оглядев его, он прошёл к треугольному навесу, под которым был лаз в погреб. Дверца была открыта, и он заглянул туда. Из темноты глубокой ямы потянуло сыростью, перемешанную с прелым запахом прошлогодних овощей.

Он дошёл и до маленькой баньки, построенной в дальнем углу огорода, причём, проходя мимо деревьев, восхищённо смотрел на сочные красные яблоки, под тяжестью которых почти до картофельной ботвы свисали ветки. Его глаза выискивали среди них самые крупные, спелые и наливные, к одному из которых потянулась его рука. Сорвав и оглядев яблоко, он не удержался и откусил его. Сочный и кисло-сладкий вкус вызвал его одобрительную улыбку.

Прогулявшись по саду, ему захотелось пройти к краю горы, туда, откуда открывался широкий до самого горизонта луг. Пройдя через огороды соседей, он остановился на обрыве и, стоя, внимательно вглядывался в длинную подсвеченную золотым закатом солнца ленту реки, отметив те места, где ранее почти каждое лето вместе с местными мальчишками и девочками купался и рыбачил.

Ваня особо выделил Сорокин вир, глубокую яму на старом русле, где они ловили рыбу. Тогда в детстве говорили, что на дне ямы жил в человеческий рост сом, плававший по ночам. Он вспомнил, как во время ночного праздника Ивана Купала после прыжков через костёр ходили смотреть на него, правда, сам он его не увидел, но верил, что сом живёт там. Это подтверждал один из мальчиков, рассказывавший, что видел огромный хвост, плеснувший по воде. Все ему тогда поверили.

Иван представил себе также неглубокую Мальцеву яму, где они любили купаться. Там была всегда чистая вода и мелкий песок. Это был настоящий лягушатник, где всякий раз купалось несколько десятков мальчишек и девонок.

Там русло реки раздваивалось на новое и старое. Старое было мелким и со спокойным течением, основное же русло было таким быстрым, что переплыть его рисковали немногие мальчишки.

В верхнем течении реки он отметил и ещё одно место, которое мальчишки любили посещать. Называлось оно Грудок. От него они по быстрой воде на камышовых плотках любили спускаться вплоть до Мальцевой ямы. Это было самым любимым их развлечением. Правда, для этого нужно было заранее нарезать длинных камышей, а потом связать их снопами и соединить между собой. Три-четыре таких снопа выдерживали тридцать-сорок килограммов веса каждого мальчика. Иван, вспомнив это, улыбнулся, ощутив в себе ребёнка, стремительно несущего

гося вниз по воде под тёплыми брызгами хрустальной воды и чувствуя себя победителем этой водной стихии.

Он вспомнил также и ещё один случай, когда однажды, прибежав туда, на высоком берегу реки увидел много взрослых людей. Это были археологи. Проявляя сильное любопытство, мальчики всей гурьбой отправились к ним. Там пожилой и бородатый мужчина рассказал им о древних людях, живших на этих местах, показав найденные орудия их труда, что стало первым и серьёзным для него открытием, погрузившего его в мир далёкой истории.

Он, придя домой, взволнованно пытался донести рассказ археологов до своей бабушки, на что та равнодушно ответила:

– Ванечка, на моей памяти в Грудке никто никогда не жил, и даже слухов об этом не было. Не верь этим, как ты сказал, археологам.

Тогда он даже обиделся на бабушку, которая не захотела его понять, но сам задумался над тем, как в неизвестность времени уходят люди.

Сейчас он каким-то щемящим чувством начал понимать, как в глухую память уходит его детство.

Неожиданно его уединение нарушили шорохи шагов, услышав которые, он обернулся. К нему шёл Иван Петрович, его отец.

Подойдя, тот сказал:

– Ваня, я тоже люблю это место. Когда твоя мама приезжала в Почеп, мы приходили сюда вместе. У тебя очень хорошая мама, кстати, она прислала нам письмо, но я пришёл тебе также сказать, что приходила Машенька, соседская девочка, помнишь, вы в детстве гуляли вместе. Она сказала, что хотела видеть тебя.

– Хорошо, я тоже хочу увидеть её, – ответил Иван.

Возвратившись в дом, бабушка пояснила, что Машенька, не дождавшись его, ушла к себе домой, обещая прийти завтра.

Иван решил не откладывать встречу и увидеть её сейчас.

Он вышел за калитку и обратил внимание на распахнутые окна дома, в котором жила Маша. Она сидела у окна, а увидев Ивана, громко сказала:

– Ваня, ты ли это? Иди сюда. Я к твоей бабушке заходила, но тебя не застала.

Подойдя к окну поближе, он ответил:

– Вот приехал, соскучился по старикам.

Девушка, не дав ему договорить, продолжила:

– Давно тебя не было, я уж думала, что забыл нас. Бабушка и дедушка очень печалились о тебе. Я к ним часто захожу. Надолго к нам?

Иван ответил, что пока не знает, сколько времени он пробудет в Почепе и предложил ей выйти из дома.

– Хорошо, сейчас выйду, – сказала она и закрыла окно.

Через несколько минут наружная дверь дома открылась и девушка вышла.

Иван удивился, как она изменилась. Тогда в детстве Маша была немного полноватой, такой румяной булочкой со звонким голосом, сейчас же она показалась ему стройной и очень привлекательной. А когда он близко рассмотрел её лицо, то как-то замешкался и про себя задумчиво произнес:

– Вот, я и приехал...

Она же с радостью в голосе сказала:

– Здравствуй, Ваня!

– Здравствуй, Машенька, – ответил он и почувствовал сильный прилив тепла.

– Чем занимаешься? – спросила она.

Иван сбивчиво стал отвечать на её вопросы, рассказывая об учёбе, о работе в геологическом институте и своей первой экспедиции.

Машенька тоже рассказала о себе: она в это лето окончила учёбу в школе, получив аттестат зрелости, но пока не решила, что делать дальше.

Молодые люди в этот вечер долго вспоминали своё детство, общих друзей и места, где они играли и проводили время.

А ночью Ивану приснился сон, будто видел он Мальцеву яму и купающихся в ней детей. Наблюдая за ними с высокого берега, он неожиданно в стороне от них, там, где протекала журчащая и чистая вода, увидел купающуюся среди белых и жёлтых кувшинок девушку. Она была в белой мокрой сорочке, сквозь которую просвечивались необычайной красоты все формы женской фигуры. Неожиданно та медленно направилась в его сторону, подступая к нему всё ближе и ближе. Иван хотел идти к ней навстречу, но тело не двигалось с места, сердце же вырывалось из груди и билось настолько громко, что он проснулся.

Была ночь. В темноте, которая на некоторое время не давала ему вырваться из этого состояния, он отчётливо увидел, что эта соблазнительная девушка была похожа на Машеньку, образ которой не выходил у него из головы до самого утра.

С рассветом, когда солнце уже пробивалось сквозь сито занавесок, прикрывавших свет в окне его комнаты, Иван поднялся с постели и выглянул в окно. На него из палисадника ярким жёлтым букетом смотрели георгины, освещённые солнцем. На душе стало так радостно, что хотелось петь и улыбаться.

Он вышел из дома, открыл калитку и увидел Машеньку, поливавшую цветы у своего дома. Она была в простом ситцевом платье, которое, как показалось Ивану, ей очень шло. Он остановился и залюбовался ею. Как-то по – особенному вновь защемило его сердце.

Она же продолжала поливать цветы, не обратив на него никакого внимания, но когда закончила это делать, то выпрямилась и повернулась к нему лицом.

Заметив его, сказала:

– Ваня, ты не спишь. Какая хорошая погода сегодня. Пойдём на речку купаться? Девчонки тоже обещали пойти.

Иван ответил согласием.

Целый день они провели на Мальцевой яме, вместе купаясь и загорая. Он рассматривал её лицо, тело, старался ловить каждый жест. Всё в ней ему нравилось.

Все последующие дни они тоже проводили вместе, оказывая друг другу знаки внимания. Через несколько недель пребывания его в Почепе, Машенька полностью завладела его сердцем.

В один из дней, когда они гуляли по берегу реки, налетел сильный ветер, и грозовая туча застала их врасплох. Они бежали от реки до первого дома, оказавшегося у них на пути. Мокрые, но весёлые, они оказались под одним навесом.

Молнии были настолько сильными, что Машенька от испуга прижалась к Ване, а тот от неожиданности обнял её и поцеловал.

Маша покраснела, и хотела отдалиться от него, но следующий удар грома заставил её прижаться к нему ещё сильнее.

Он держал её в таком положении долго, пока не стихла гроза, а потом неожиданно вымолвил:

– Машенька, я очень люблю тебя.

Она посмотрела на него как-то испуганно, их взгляды встретились. Сильный заряд неведомой ей энергии проник в самое сердце, отчего она тут же опустила глаза.

Они стояли так молча, не шевелясь, до тех пор, пока дождь совсем прекратился, и солнце снова стало выглядывать из-за туч.

Первым заговорил Иван. Он дрожащим и тихим голосом стал произносить слова, которые, как ему показалось, вкладывались в его уста кем-то другим:

– Машенька, я не хочу тебя отпускать от себя. Во мне загорается новое и непонятное чувство, которое исходит из самой глубинной части моей души. Оно никому ещё не принадле-

жало. Кажется, ты становишься его владелицей. Ты растворяешься во мне, словно сахар в воде и, мне кажется, это начало нашей вечности. Ко мне пришло такое ощущение, словно мы стали единым и нераздельным целым и началом нашей будущей жизни. Мне так хочется, чтобы эти минуты счастья были с нами всегда.

Машенька ничего не ответила на эти его слова, только своей рукой взяла его руку и сильно прижала к своей груди.

Постояв ещё немного, она, отстранив руку, тихо сказала:

– Ванечка, пора идти домой, мне тоже очень хорошо с тобой.

Шли они с ощущением того, словно между ними произошло что-то очень важное, но запретное и тайное.

Весь оставшийся вечер Ваня ходил задумчивым, думая, что обидел девушку своим признанием. Он выходил на улицу, желая увидеть свою Машеньку, которая так и не показалась ему на глаза.

А в это время девушка по-своему переживала случившееся событие. Никогда и никому она не открывала своих чувств, понимая, что открывшись, станет страдать по нему ещё сильнее, тем более, что вскоре предстоял его отъезд из Почепе в Ленинград. Любовь и долгая разлука для неё будут невыносимы.

В эту ночь ни Иван, ни Машенька не уснули. Они думали о том, какой будет их новая встреча. Чувство любви бурлило и дробилось в них, в котором важны были даже самые мелкие и отдельные детали.

Ваня решил, что не сможет оставить свою Машеньку в Почепе одну, и готовился об этом ей сказать наутро.

Эта ночь тянулась для него слишком долго, и лишь только забрезжило, он был уже на ногах. Он хотел видеть её и надеялся на то, что она согласится быть его женой и поехать с ним в Ленинград.

Она вышла из дома только к полудню и, увидев Ваню, тихо поздоровалась, добавив, что плохо себя чувствует. Ваня стал расспрашивать её о здоровье, на что Машенька сказала:

– Ничего страшного, это пройдёт.

И всё же он попросил её выйти к нему на улицу, сказав, что у него очень важный есть разговор. Она обещала выйти через час.

Как мучительно ждать, когда сердце кричит в ожидании важных событий.

Она вышла к нему в белом платье и тихим спокойным голосом сказала:

– Я готова выслушать тебя, Ваня.

Иван почувствовал, как сильно забилося в груди его сердце, но, справившись с волнением, произнёс:

– Пойдём, погуляем с тобой, я хочу тебе сказать очень важные слова. Всю ночь я думал об этом и очень ждал этой встречи.

Она согласилась прогуляться, но не долго. Отойдя от дома, он стал говорить о своей сильной любви к ней, сказав самые главные слова:

– Мне очень хочется, чтобы ты стала мне женой, и мы поехали бы вместе со мной в Ленинград. Я обещаю тебе счастливую жизнь и заявляю, что буду вечно любить тебя.

После таких слов, она сказала:

– Ваня, хорошо, пойдём в город (так в Почепе называли центральную площадь), там и обсудим.

И они гуляли, открывая свои чувства друг другу, договорившись сыграть свадьбу прямо в Почепе.

В этот же вечер Ваня объявил об этом своим родителям, для которых такой поворот событий хотя и стал неожиданным, но отговаривать его они не стали.

Уже на следующий день его отец Иван Петрович, бабушка Мавра Анисимовна, дедушка Пётр Гаврилович были у родителей Маши. В их присутствии Ваня попросил у мамы Машеньки Прасковьи Ильиничны и папы Емельяна Ивановича разрешение на их свадьбу.

Несмотря на то, что неожиданное решение молодых стало потрясением для родителей, они всё же договорились сыграть её.

Тогда же Ваня написал письмо и своей маме. Оно было коротким, извещавшей её о предстоящем торжестве. Он просил у неё прощения за то, что всё так неожиданно и скоро произошло.

Времени до отъезда в Ленинград оставалось не более двух недель, поэтому на следующий день молодые уже были в загсе.

Свадьба Ивана Шишкова и Машеньки Сыроквашинной состоялась в субботу 23 сентября за три дня до их отъезда из Почепа в Ленинград.

В этот день с утра и до полудня молодые не видели друг друга, так договорились их родители, чтобы представить молодых в их свадебных нарядах.

Первым в доме невесты появился Ваня в новом костюме. Иван Петрович заранее сводил сына к знакомой портнихе, сшившей для него двубортный чёрный шерстяной костюм и белую рубашку.

Невеста же вышла в белом платье с кружевными подборками и с накинутым на голову кружевным платком, что было очень красиво.

В загс, держа друг друга за руку, они пошли без свидетелей. По дороге они останавливались вначале возле каменного двухэтажного здания школы, в которой училась Машенька, потом возле деревянной церкви Покрова Богородицы напротив школы.

У Вани было такое ощущение, словно Машенька молчаливо спрашивала совета у них, будучи неуверенной в своих действиях.

Они шли дальше, Ваня крепко держал её руку, а она старалась выдержать темп его быстрого хода.

И вот они уже стоят перед пожилой женщине в строгом костюме, из уст которой произносились приятные слова о верности и любви, об ответственности друг перед другом.

Наконец, им был вручён простой листочек, который они стали рассматривать уже на обратном пути по дороге домой. Вначале его рассмотрела Машенька, которая с какой-то растерянной улыбкой передала его Ване, сказав:

– Ванечка, теперь я твоя жена, а ты мой муж, и фамилия у меня твоя. Я так волнуюсь, теперь мы и день, и ночь должны быть вместе. Всё делать вместе, как это необычно, но я буду тебе верной женой.

Ваня, рассмотрев свидетельство о браке, ответил ей:

– Да, ты моя жена. Я люблю тебя, – и поцеловал её губы.

Потом добавил:

– Скоро мы уедем в Ленинград, где нас ждёт моя мама Надежда Петровна. Тебе понравится мой город.

Когда они вернулись домой, то увидели многих гостей из числа родственников и соседей. Их поздравляли, говорили лестные слова.

В этот день молодые в основном были заняты собой, и всё остальное торжество проходило как бы рядом с ними. Их поздравляли, но голова их была переполнена эмоциями и слова пролетали мимо, им кричали «горько», заставляя целоваться, но они скромно закрывались руками, наслаждаясь друг другом.

Ближе к вечеру Ваня сказал:

– Машенька, давай убежим от гостей, – что они вскоре и сделали.

Пока гости были заняты собой, они вышли из-за стола и в свадебных одеждах по узенькой крутой дорожке спустились с горы и направились к заветным местам их детства и юности, к реке, где они ранее проводили своё время.

На берегу реки у Сорокина вира, самого глубокого с сильным течением места, они поклялись, что будут вечно любить друг друга и вместе делить радость и горе, а затем вспоминали разные эпизоды своего детства и целовались, целовались, целовались.

Они прощались со своим прошлым, строили планы для своей новой будущей жизни.

Домой пришли тогда, когда на горизонте осталась только узкая светлая полоска заката, а многие гости уже разошлись.

Их вновь усадили за стол, поздравляли, говорили напутственные слова. Закончилось застолье за полночь, после чего для брачной ночи им отвели ту половину дома, в которую впервые ввела Ивана его бабушка Мавра Анисимовна.

Через два дня они уезжали из Почепа.

В первый раз Машенька, домашняя и неискушённая жизнью девочка, покидала родителей, беспокоясь и за себя, и за них.

Муж успокаивал жену, говорил о своей любви к ней, о том, что он покажет любимой женщине самый лучший город на свете, где живёт и ждёт их приезда его мама Надежда Петровна.

Родители Маши, мама, Прасковья Ильинична, и отец, Емельян Иванович, обнимая дочь, хотя и плакали, но надеялись, что Иван сделает её жизнь счастливой.

Рано утром молодые уселись на подводу, и лошадь повезла их на железнодорожный вокзал.

Провожал их Иван Петрович, который в этот раз вместе с ними в Ленинград не поехал, оставшись со своими старенькими родителями, чтобы помочь им справиться с уборкой урожая. На вокзале он помог молодым погрузить в вагон багаж, попрощался с ними, обещая вернуться в Ленинград примерно через месяц.

В поезде Машенька погрузилась, в основном смотрела в окно, за которым мелькали деревья и среди них иногда небольшие деревенские домики, низенькие, часто с соломенными крышами. Иван, понимая её чувства, обнял её, ласково положил свою руку ей на плечи. Она, почувствовав его тепло, прижалась к нему и, словно в материнской постели, уснула.

Проснувшись, когда Иван, нежно поглаживая её, сказал:

– Машенька, просыпайся. Мы приехали.

Путь после Брянска её уже не тревожил, она полностью доверилась своему мужу.

Утром следующего дня, когда поезд медленно приближался к платформе вокзала в Ленинграде, Иван заметил силуэт Надежды Петровны, встречавшей их.

Взяв Машу за руку, он сказал:

– Машенька, посмотри, нас встречает мама.

Маша, пока ехала в поезде, придумывала себе всякие варианты встречи с ней и, увидев за окошком женщину среднего роста в шляпке и пальто, уже готова была сказать заготовленные слова приветствия, среди которых на первом месте стояло слово «мама». Она желала уважать и даже любить её.

Выйдя из вагона, сын обнял и поцеловал мать, потом представил свою жену:

– Моя Машенька, люби и оберегай её так, как меня в детстве.

– Здравствуй, Машенька! С приездом тебя! – сказала мама и притянула её к себе.

От этих тёплых слов у Маши на душе спало напряжение, ведь она так переживала за первую встречу со свекровью, помня слова своей мамы: «Будь с ней ласковой, никогда не отвечай грубостью».

– Здравствуйте, мама. Я очень рада встрече с вами, – тепло произнесла она.

Все вместе они вышли на привокзальную площадь, а затем пошли к остановке троллейбуса.

По пути первой вновь заговорила свекровь, засыпав Машу вопросами:

– Машенька, хорошо ли вы доехали? Тепло ли было в поезде? Заботился ли о тебе в пути наш Ванечка?

На что она ответила просто и нежно одновременно:

– Наш Ванечка самый заботливый. Он мне так много о вас рассказывал.

После таких ответных слов свекровь взяла невестку под руку и больше не отпускала её от себя.

Вскоре пришёл троллейбус, дверь открылась, и все вошли в вагон.

Иван, расположив багаж рядом с собой, разместился отдельно, а Надежда Петровна села рядом с Машенькой, смотревшей в окно, не отрывая своего взгляда от мелькавших перед ней домов.

– Такие большие и красивые дома и совсем нет деревьев, – сказала она.

Надежда Петровна ответила:

– Да, Машенька, это город Ленинград.

Машенька продолжала смотреть в окно машины, и Иван не посмел отвлечь её от этого интереса до тех пор, пока они не доехали до последней остановки.

Вскоре все уже поднимались по лестнице в квартиру, где Маша, указав на узоры чугунных лестничных маршей и старинную резную дверь, сказала:

– Красиво!

Так началась её жизнь в новой семье, где Надежда Петровна умилялась детской чистоте и непосредственности невестки, а невестка в свою очередь восхищалась манерами поведения свекрови, умением разговаривать по – ленинградски, с уважительным тактом к её недостаткам в произношении слов.

Когда Маша смущённо употребляла слова с произношением на «Г» как растяжное и мягкое «ГХ», Надежда Петровна мило улыбалась и говорила:

– Машенька, «ГХ» оставим в прошлом, а, ступив на ленинградскую землю, мы гордо скажем «КГ».

Для Маши незнакомый город показался таким большим, что выйти самостоятельно из квартиры поначалу она не желала, боясь заблудиться и не найти дорогу домой.

В Почепе все дороги сходились вместе, а здесь, куда ни посмотри, везде дома, улицы, да каналы, устремлённые вдаль.

– Заглядишься и потеряешься, – думала она.

Окна их квартиры выходили на высокую окрашенную в бирюзовый цвет колокольню, откуда каждый день слышался чистый перезвон колоколов, что очень нравилось Маше. Далее виднелся собор, сияющие золотом купола которого также привлекали её внимание.

Первый раз они вошли в него втроём: свекровь, муж и она. Только что отзвучали колокола, и люди шли туда молча, больше женщины в платочках.

Иван, остановившись перед собором, стал рассказывать о нём. И пусть жена мало что запомнила из рассказа мужа, главное то, что она была всей душой с ним и со всем тем, что окружало её в ту минуту.

Иван предложил войти внутрь, но так как верхняя церковь была закрыта, пошли в нижнюю, Никольскую. Поваяло стариной. Людей было много, они стояли перед алтарём, где только что началась вечерняя служба. Распевная молитва молодого батюшки, тёплые взгляды устремлённых на него людей, фрески по стенам и сводам, строгие очертания икон с доверчивыми глазами святых, горящие лампадки и запах ладана, соединившиеся воедино под купольным пространством церкви, погрузило Машу в состояние полной покорности всему происходившему вокруг неё. Иван подвёл Машу к иконе святителя Николая. И хотя на них святой смотрел отрешённым взглядом, она почувствовала доброту и любовь, исходящих от него.

В конце осени приехал и Иван Петрович, который принял Машу, как свою родную дочь.

Почти два года Маша жила в Ленинграде, ставшем для неё почти родным городом. Муж окружал её заботой и лаской, свекровь учила домашним делам, а свёкор знакомил с красотой зданий города.

Невестка никогда не перечила новым членам семьи, которые в свою очередь искренне полюбили её.

Маша уже не произносила свои «ГХ», а в одежде полностью превратилась в городскую даму. Научилась и самостоятельно выходить в город.

Но однажды она почувствовала себя плохо, у неё закружилась голова. Надежда Петровна, увидев это, просила её не выходить из дома и сходить вместе с ней к врачу. Вскоре все поняли причину головокружения: она ждала ребёнка. Свекровь оказывала ей всяческое внимание и помощь. Все готовились к этому волнительному и радостному событию в их жизни.

Но Маша загрустила. Вдалеке от родной мамы, намечаемые желанные перемены у неё стали сопровождаться волнением, тревогой и даже смятением.

Это был страх перед неизвестностью и новым этапом своих отношений с мужем.

Это было беспокойство и за собственную безопасность и за состояние своего будущего ребенка.

Много странных вопросов задавала она себе в эти дни, наконец, не выдержав, попросила мужа отвезти её в Почеп.

– Свекровь, какая бы она не была хорошей и даже замечательной, всё равно не может быть лучше родной матери, – рассуждала про себя будущая мама.

Сколько не уговаривали Машу родить ребёнка в Ленинграде, она твердила своё:

– Я люблю вас, но боюсь. А вдруг, умру. Отвезите меня к маме. Ивану пришлось взять отпуск и везти жену на её родину.

Вскоре Маша родила своего первенца в доме родителей, и наступило время дать ему имя, для чего нужно было идти в церковь.

Почеп – город небольшой, в основном деревянный, с центром, застроенным каменными купеческими домами. Родители Маши жили в деревянной его части на Покровщине, названной по небольшой церкви Покрова, стоявшей недалеко от дома на перекрёстке дорог.

С поиском имени произошла история, которую потом долго обсуждали в семье. Батюшка Тимофей, подбирая мальчику имя, долго листал церковную книгу со святыми именами, а потом сказал:

– Что ж, имя мы ему определили и очень редкое, Лупа.

Мама и бабушки, присутствовавшие в церкви и ожидавшие услышать от него достойное имя, попросили повторить.

– Лупа..., Лупа, – съязвил батюшка.

Мавра Анисимовна, тоже получившая в церкви своё имя, которое ей не нравилось, не выдержала и сказала:

– Боюсь, что это имя может не понравиться нашим дедам, а особенно Емельяну Ивановичу. Это подтвердила и Прасковья Ильинична, сказав, что в гневе он может причинить вред и нам, и вам, батюшка.

Она понимала, о чём говорила, ведь на Покровщине все друг друга знали, а Емельян Иванович с молодых лет был настоящим богатырём и иногда в подпитии своим грозным видом любил устанавливать справедливость. Его уважали и побаивались соседи, зная, что в этот момент лучше с ним не спорить, потому что бывали случаи, когда он пускал в ход свои кулаки. Говорили, что под его тяжёлую руку попался однажды и батюшка Тимофей, затаивший на него злобу. Теперь выдался удачный случай расквитаться с ним. И хотя в этот день, женщины ушли из церкви ни с чем, уступать женщины не собиралась. На следующий день они вновь, не сказав ни слова мужчинам, явились в церковь. Инициативу взяла на себя Мавра Анисимовна, которая встретив попа, сказала:

– Батюшка, вы дали моему внуку имя Лупа, а вот Емельяну Ивановичу оно не понравилось. Он кричал и произносил угрожающие слова: «Я отлупаю этого батюшку завтра же». Прошу не доводить до греха и сменить имя.

Батюшка, почуяв недоброе настроение женщин, неожиданно ангельским голосом произнёс:

– Матушки мои, так это же я пошутил! Вот сейчас мы откроем святые книги и вместе подберём ему другое имя.

Он вновь достал ту же истрёпанную тетрадь, переписанную кем – то от руки, полистал её и сказал:

– Вот, смотрите, какое великое имя открылось нам, Сергей, – и начал рассказывать женщинам о православном святом Сергии Радонежском, построившем со своим братом на берегу реки посреди глухого леса первую церковь во имя Святой Троицы, в которой долго и усердно молился.

Чем больше он говорил о нём, тем энергичнее и увлекательнее была его речь.

– Вопли и мольбы его дошли до Господа, и Он, Милосердный, для спасения нашей земли воздвиг преподобного Сергия», – говорил батюшка и ещё долго повествовал женщинам о том, как тот спас Отечество от иноземного порабощения.

Мать и дочь слушали его внимательно, открывая в себе новую доселе неведомую страницу этой святой жизни.

Батюшка, увидев в глазах простых женщин заинтересованность, с новой энергией поведал им, как преподобный Сергей тихими и кроткими словами объединял всех людей вокруг себя, действуя на самые загубелые и ожесточённые сердца, примирял враждующих между собой князей и своим нравственным влиянием и молитвой вдохнул в народ силу и веру.

Женщины искренне представляли себе, как к этому святому шли люди с разными скорбями и прошениями, и как его любвеобильное сердце отзывалось народному горю.

Отец Тимофей, показав образ с его изображением, заключил:

– Преподобный Сергей не умер, он только переселился от земли на Небо и там не забывает своих соотечественников, – и перекрестился.

То же сделали и женщины. Батюшка пояснил также и то, почему мальчику, родившемуся осенним днём первого октября, даётся такое имя, сказав, что православная церковь отмечает память рождения Сергия Радонежского в день восьмого октября, который являлся ближайшей датой ко дню рождения мальчика.

– Согласны ли вы, чтобы имя в честь Величайшего святого земли русской преподобного Сергия Радонежского было у вашего сына? – спросил он.

Как тут не согласиться. С этим именем и вернулись они домой. Через несколько дней в этой же церкви состоялось и крещение мальчика.

Вскоре Иван уехал в Ленинград, но через месяц, уладив дела на своей работе, вновь приехал в Почеп. Ему предстояла двухмесячная командировка в центральные районы страны.

Каждые выходные дни он возвращался к своей семье, брал сына на руки, высоко поднимал его, приговаривая:

– Мой высокочтимый сын.

Жене это нравилось, но она добавляла:

– Наш любимый сыночек.

Муж всячески оберегал свою жену от излишних забот, находясь рядом с ней и сыном, наблюдая, как смачно всасывал тот губками материнское молоко.

Всё шло хорошо, однако вновь подходило время отъезда мужа в Ленинград, заканчивалась его командировка.

Встал вопрос: где жить ребёнку дальше? Все понимали, что перевозить трёхмесячного ребёнка в Ленинград было нежелательно, на чём настаивали бабушки Прасковья и Мавра, хотя

Машенька очень хотела быть рядом с мужем. И всё же решили, что по достижении ребёнку годовалого возраста, он пока останется в Почепе.

– Здесь на чистом воздухе в привычной для мамы обстановке он будет развиваться лучше, – подвела черту Мавра Анисимовна.

С этим согласился и Иван, хотя свекровь Надежда Петровна очень хотела видеть своего внука в Ленинграде.

Наступило время отъезда Ивана. Тяжёлую сумку разных припасов из погреба из солений и варений пришлось взять с собой. Приготовили подарки и для Надежды Петровны: Прасковья Ильинична отправила ей большой фарфоровый чайник, а Емельян Иванович большую банку мёда.

Маша связала большой вязаный пуховый платок с именной надписью «Моей маме, Надежде Петровне».

Расставание было трогательным. Маша смотрела на мужа ласково, давала наставления, чтобы он помогал своей маме, а сам одевался тепло.

Напоследок, она прижалась к мужу и сквозь слёзы сказала:

– Пиши чаще. Я буду очень скучать без тебя.

Муж обещал писать и поскорее вернуться обратно.

Подъехавший на лошади сосед Павел увёз Ивана Ивановича на железнодорожный вокзал.

Время без Ивана в Почепе тянулось медленно. Молодая мама всё своё внимание уделяла ребёнку, гуляла с ним, по времени кормила, а потом оставляла спать на свежем воздухе. На ночь она укладывала его в подвешенную у своей кровати люльку, которая свободно раскачиваясь, успокаивая ребёнка. Люлька крепилась с таким расчётом, чтобы во сне можно было до неё дотянуться рукой.

Вскоре муж прислал первое и очень ожидаемое женой письмо, извещавшее о благополучном прибытии в Ленинград.

Иван особо отметил то, что Надежда Петровна бережно сохранила убранства их комнаты.

Он подчеркнул слова Надежды Петровны о том, что она очень хочет увидеть маленького Серёженьку, по её выражению «моего кнопочка».

Особенно Маше понравились слова, с которых Иван начал своё письмо:

– «Здравствуй, мой светлячок, моя любимая и единственная на всю жизнь Машенька», а закончил: «Мамулька, моя дорогая, я целую твои губки и щёчки, и всю, всю тебя обнимаю. Твой Иван Шишков».

Она тут же присела к столику и стала отвечать ему такими же нежными и трогательными словами:

«Ванюшка, мой родной, ты, словно из сказки, явился на моё счастье. От твоих слов засветилось всё вокруг и отразилось на улыбке нашего сыночка. Он уже смеётся и тянется к тебе своими маленькими ручонками. Твоё письмо звучит у меня в ушах, как музыка, не понимаю, читаю я его или пою. Я запомнила его наизусть».

Далее она написала про погоду, о том, как они вместе с сыном соблюдают режимы сна, бодрствования и прогулок.

– «Помнишь за погребом, где малина густая растёт, где мы часто сидели и мечтали о нашем будущем? Мы ходим туда с сыночком каждый день и вспоминаем самые лучшие минуты нашей с тобой жизни», – писала она.

Письма приходили от мужа каждую неделю, она отвечала ему всё с такой же любовью и нежностью, отмечая, что их сыночек подрастает, уже отвечает на улыбку мамы, держит головку хорошо.

Так незаметно пролетел месяц, второй, третий...

По-прежнему от мужа приходили письма, по-прежнему на них отвечала жена, подробно извещая мужа обо всех изменениях в развитии сына.

И вот, наконец, настал момент, когда Иван, не выдержав разлуки, вновь неожиданно явился перед своей Машенькой. Он ехал в свою вторую геологическую командировку на Урал, и по пути захотел увидеть свою семью.

Он привёз подарки для бабушек и дедушек, одежду для малыша, которую выбрала Надежда Петровна, и конечно подарки для Маши.

Надежда Петровна подарила Маше модное осеннее пальто, чтобы, как было сказано в письме «Машенька утверждала себя столичной горожанкой».

Все соседские подружки были в восторге от её одежды и очень завидовали Маше в её замужестве.

Муж тоже любовался её красотой, весёлым нравом, хозяйственной сметливостью, материнской заботой о ребёнке и о нём самом.

Часто они выходили погулять все вместе на природу, подальше от дома.

В Почепе в мае уже хорошо пригревало солнышко, ведь весна здесь наступает почти на месяц раньше, чем в Ленинграде. Маше становилось ещё теплее от объятий Ивана. Так хотелось жить и радовать всех вокруг. Они брали своего сыночка и уходили наслаждаться первой травкой на пригорках, весенним солнцем.

Им нравилось любоваться и открытым видом с горы на широкую долину, посреди которой протекала река, за которой виднелись высокие валы старинной крепости. Иван чувствовал себя здесь настоящим отцом и мужем.

Но быстро пролетели и эти счастливые дни, потому что наступил срок окончания его пребывания в Почепе.

Маша загрустила и не хотела отпускать от себя мужа, предлагая ему сменить работу, не понимая его профессии. Он обещал подумать, но подвести ждущих его в Москве геологов не мог. Ему предстояла встреча с ними на первом Всесоюзном совещании геологов, куда в начале июня сорок первого года пригласили и его.

Грустными глазами смотрели на отъезжающего Ивана жена, а при прощании кинулась ему на шею и неожиданно прокричала:

– Я буду молиться за тебя, и ждать, ждать, ждать. Пиши чаще. Теперь нас трое. Ты наш навсегда. Не забывай нас.

Он успокаивал жену и говорил, что очень любит её и скоро приедет, чтобы забрать их и уже больше никогда не разлучаться.

Часть вторая. Дорога в горы

Глава 3. Златоуст

Шепчу о том, пред чем язык немеет.

В Москве Иван встретился с сотрудниками из его института, которые поучаствовав в совещании, отправились обратно в Ленинград, а он с большой группой геологов вечером на поезде отъехал на Урал. Перед ними была поставлена задача информационного обеспечения результатов работы всех ведомств и организаций в области поисков и разведки месторождений полезных ископаемых.

С такими целями и ехали геологи, в том числе и Иван, в разные уральские города.

Путь Ивана из Москвы лежал в Челябинск, и он не представлял ещё, что он будет там делать. Но пока все молодые геологи ехали в одном поезде, было приятно обмениваться впечатлениями о жизни и будущей работе в неизвестном краю.

Поезд прибыл поздно ночью. Паровоз выпустил клубы дыма, окутавшего пространство станции, и пассажиры почувствовали в последний раз этот ставший столь привычным за долгий путь запах. Геологи вышли из вагонов в надежде увидеть вокзал, но была ночь, освещения на перроне не было, и рабочие, проходившие мимо, указали направление к зданию, в котором находился зал ожидания.

Молодые люди с шумом вошли в него. Иван удивился, что в небольшой комнате с деревянными диванами почти все места были свободными и только сбоку от окна сидели два человека.

Он подошёл к ним и спросил:

– Извините, это и есть зал ожидания?

Один из них возрастом около пятидесяти лет поднял на него удивлённые глаза и в свою очередь спросил:

– Вы откуда такие весёлые приехали?

Иван ответил, что они геологи, приехали прямо из Москвы.

– Приехали помогать увеличивать геологическое богатство Уральского края, – то ли вопросом, то ли утверждением добавил он.

– Возможно, что и так, – ответил Иван.

– Будем знакомы, меня зовут Владимир. Я тоже геолог, являюсь начальником одной из геологических групп, которых на Урале немало. Утром мы вместе с Александром, – он кивнул в сторону сидевшего рядом молодого человека, – отъезжаем к своим ребятам. Да, это и есть комната ожидания для пассажиров. До утра придётся подождать здесь, а там за вами приедут. Вы слышали о Тагане?

Иван отрицательно покачал головой.

– Там живут мои геологи. Утром должна прибыть машина с продовольствием, которая подбросит нас и наши продукты к подножию горного хребта Юрма, где расположилась наша база.

– А что такое Таганай? – спросил Иван.

– Вы нашего Таганая не знаете? Рассаживайтесь, если интересно, потом расскажу о нём.

Иван, чтобы занять место, положил свою сумку на соседний диван и вновь подошёл к Владимиру, сказав:

– Трое суток в движении, дорога через всю Россию.

– А мы местные, утром поедem в Златоуст, где начинается Таганай. Особенно красив хребет Большой Таганай, мой любимец, скалистый зубчатый гребень, названный геологами Откликным. Это красивая гора, от которой уходят на север бесконечные гряды вершин, окутанные шапками облаков. Если на неё смотреть в лунную ночь снизу, то словно на подставке в разрыве вершин можно увидеть луну. Это очень красиво. Каждый начинающий геолог обязательно должен побывать там и на подходе к нему громко крикнуть, чтобы гора тут же откликнулась ему многократным эхом. Кому она не откликнется, тот не станет настоящим геологом, так считается у нас.

Владимир оказался великолепным рассказчиком, к которому с любопытством потянулись и другие геологи. В окружении молодых людей он ещё с большим интересом заговорил о красоте гор.

В разговорах незаметно пролетело время. Утром за Владимиром и его спутником приехала грузовая с накрытым верхом машина, а потом и за москвичами прибыл гонец, предложивший всем погрузиться в такой же кузов, чтобы отправиться в центр Челябинска.

Геологов подвезли к большому зданию, где их сопроводили в кабинет, в который почти сразу за ними вошёл мужчина средних лет, представившись председателем горсовета.

Иван удивился его энергии, с которой он рассказывал о богатствах Урала, о строящемся городе, о перспективе возводимых на территориях города будущих заводов.

Речь его завершилась словами:

– Нам нужны классные специалисты, надеемся, что ваше пребывание у нас окажется полезным для города и страны.

Теперь стал понятен смысл их встречи с председателем: поиск хороших специалистов было главной его заботой.

Далее геологов накормили и распределили по отделам для ознакомления с будущей работой. Вскоре Иван уже беседовал с инспектором горного отдела, который и должен был определить место его дальнейшей командировки.

Вечером всех геологов поместили в доме барачного типа, выделив им спальные комнаты.

Усталый и насыщенный впечатлениями Иван, не раздеваясь, упал на предоставленную ему железную кровать и почти сразу уснул.

Во сне он видел геологов, шедших по ровной и широкой дороге, однако, сильный ветер сдерживал их движение. Закрываясь руками, изо всех сил шёл и он, Иван, увидевший впереди ту самую гору, о которой ему рассказывал Владимир Петрович. Радуясь, что ему удастся спрятаться за каменную стену, он побежал и у подножия горы узнал Откликной гребень. Иван во всю силу своего голоса закричал и сверху ему откликнулся другой голос, жалобно и протяжно звавший его на помощь. Это был голос его жены. Он бросился к отвесной скале, но чья-то рука схватила за плечо и стала его удерживать. Иван, вырываясь и борясь с неведомой силой, открыл глаза.

Не совсем понимая, что с ним происходит, он увидел над собой лицо Юрия, его соседа по комнате, который тряс его за плечо и произносил:

– Иван, что с тобой?

Юрий рассказал ему о том, как он метался на кровати, издавая непонятные звуки.

Иван встал и первым делом умылся. Вода освежила его, но увиденный сон его почему-то встревожил.

– Что означал он? Почему такая печаль была в голосе его жены? – задавал молча он сам себе вопросы и тут же, расположившись у окна, стал писать ей письмо.

«Родная моя, Машенька, как я тебя люблю, только одному богу известно. Но я видел сон, повергнувший меня в сомнение. Ты звала меня на помощь. Хочу узнать, не случилось ли что с вами и с нашими родными?», – записал он

Далее он рассказал о проделанном им пути из Москвы до Челябинска, о геологах и городе, куда привела его судьба.

В конце письма он просил её, чтобы она, не откладывая, срочно ответила ему.

Но куда ей писать письма, пока было неясно, поэтому он сделал приписку: «Как только приеду на место постоянного пребывания, то сразу же сообщу тебе свой адрес».

На следующий день ему сообщили, что по его просьбе он направляется в Златоуст.

И вот он уже сидит в вагоне движущегося поезда, любуясь через окно весенней красотой, открывшейся ему. Было ощущение необычайной лёгкости, воздушности, свежести. Высоты гор, уже покрывшиеся прозрачной зеленью молодой листвы, волнами устремлялись в пространственные дали. Казалось, сами мысли неслись поверху этой возбуждающей утончённости, игривости и туманности.

В Златоуст поезд прибыл поздно. Пришлось вновь дожидаться утра в зале ожидания вокзала, который неожиданно оказался очень уютным. Иван узнал, что центр города находится недалеко от вокзала и добраться до горсовета будет совсем не трудно.

Утром, когда рассвело, он более часа ходил по городу, а здание горсовета, выделявшееся своими внушительными размерами, нашёл быстро.

Там в горном отделе его уже поджидал заведующий Ростислав Викторович Самсонов. Иван был приятно удивлён тем обстоятельством, что тот бывал в Ленинграде, в том числе в его институте, хотя обучался в Уральском горном.

Была выполнена просьба Ивана посетить расположение геологической партии под руководством Владимира Романовича Демидова, того самого Владимира, который встретился ему в первую ночь их пребывания на вокзале Челябинска.

Молодой геолог уже стал туда собираться, но Ростислав Викторович объяснил, что в лагерь к геологам на выходные дни попутные машины не ходят, а иначе ему туда не добраться. Он предложил пока остановиться у него, пообещав показать город и всяческое содействие в том, чтобы его командировка в Златоуст прошла успешно.

Каменный одноэтажный дом, куда привёл Ивана хозяин, был построен на пригорке в небольшой ложбине.

На открытом крыльце их встречала женщина.

– Знакомьтесь, это моя жена Ксения Григорьевна, – представил он её.

– Милости просим к нам в гости, – сказала она, чуть улыбаясь.

Иван понял, что о его приходе в дом она уже знала, поэтому выглядела как-то особенно празднично. На ней была вышитая яркими цветами белая кофта, выделявшая её красивые мягкие черты лица, излучавшие радость.

На миг он потерялся, не зная, что сказать, а она, словно поняв удивление молодого человека, прервала затянувшееся молчание словами:

– Ну что же мы стоим на крыльце? Пожалуйте в дом.

Хозяйка вошла первой, за ней Иван, последним вошёл сам хозяин.

После предложенной процедуры мытья рук, его пригласили к столу.

Стол был роскошный: борщ и уральские пельмени, кушанья из продуктов, добытых в лесах под Златоустом, среди которых Ивану особенно понравились маринованные грибочки, черемша в сметане, печёные яблочки и многое другое. По всей видимости, всё это было выставлено ради гостя.

После еды были приятные разговоры о Ленинграде, Златоусте, о любимой работе, о природе, о геологах.

Не заметили, как быстро пробежало время. Иван вспомнил об обещанной прогулке, но на улице уже стало смеркаться, и Ростислав Викторович предложил перенести её на завтрашний день.

Тем временем хозяйка принесла альбом с семейными фотографиями, ей не терпелось рассказать Ивану о себе, детях, о своей жизни.

Первой была представлена свадебная фотография, где молодые Ростислав и Ксения в праздничных одеждах позировали перед гостями, будучи выпускниками горного института. Он увидел их троих сыновей, тоже геологов, находившихся ныне в экспедициях, у которых уже были свои семьи.

Ксения Григорьевна сокрушалась:

– Сыночки выросли, выучились, создали свои семьи и редко теперь навещают своих родителей.

Показала она и свою дочь Марию, студентку Уральского горного института, которая на фотографии выглядела совсем молоденькой девушкой, очень похожей на свою мать. Родители ждали её приезда на выходные дни.

Ивану отвели комнату с отдельным выходом и с видом на город.

Перед сном он написал новое письмо своей жене, в котором рассказал о людях, приютивших его, о дороге из Челябинска в Златоуст, природной красоте этих мест. И самое главное, теперь он указал адрес, куда можно было ему написать, о чём договорился с Ростиславом Викторовичем.

На следующий день они вместе с хозяином дома пошли гулять по причудливо раскинувшимся улицам города.

Городок ему понравился: чистые улицы, опрятные домики. Конечно, его интересовала геология, игравшая не последнюю роль в зарождении Златоустовской металлургии. Он знал, что в этих местах геологами была обнаружена исключительная чистота руд, позволившая построить знаменитый железоделательный завод.

Желая проверить знания и рассказчика, он спросил о знатных петербуржцах, бывавших здесь когда-либо.

Ростислав Викторович сразу отвечать не стал, и лишь, подведя Ивана к жёлтым зданиям завода, заговорил о зарождении сталелитейной промышленности на Урале, где трудились выдающиеся петербуржцы Павел Петрович Амосов и Павел Матвеевич Обухов. И далее стал рассказывать об их открытиях и достижениях в области металлургии. О Павле Петровиче он говорил как о зачинателе производства специальных титановых, марганцевых, хромистых и других сталей, но с особой гордостью рассказал о производстве так называемой булатной стали, из которой изготавливались сабли и шпаги, отличавшиеся необычайной упругостью.

– Лезвия сабель и шпаг свободно свёртывались в кольцо и, развёртываясь, несколько не изменяли первоначальной своей прямизны, что особенно вызывало восхищение, – говорил он.

Иван внимательно слушал Ростислава и был удовлетворён таким утверждением, но тот на этом не остановился, а подтверждая свои знания, напомнил Ивану об Эрмитаже, где хранились несколько экземпляров таких шашек, подаренных императору Александру 1 и великому князю Михаилу Павловичу.

– Видели ли вы эти булатные сабли? – спросил он Ивана.

Пришлось честно ответить, что не видел их.

– Ну что ж, век живи – век учись. Приеду домой, обязательно поинтересуюсь, – подумал Иван.

Ростислав Викторович открыл для него и много интересного в технологии производства булатной стали. Он пояснил, что Амосов, изучая влияние марганца, кремния, хрома, титана, серебра, алюминия и платины на качество булатной стали, установил, что кремний приводит к образованию в ней графита, марганец усиливает волокнистое строение, хром повышает твердость и улучшает полируемость, серебро понижает окисляемость, золото изменяет цвет стали.

Этих тонкостей технологии булатного дела Иван тоже не знал, и понял то, что имеет дело не только с прекрасным человеком, но и хорошо знающим своё дело специалистом, что вызвало к нему особое уважение.

А Ростислав Викторович, продолжая свой рассказ, всё более и более удивлял Ивана своими познаниями.

Он говорил о том, что открытие производства булатной стали легло в основу стараний другого петербуржца Павла Матвеевича Обухова, отлившего в Златоусте первую русскую стальную пушку.

– Пушки, выплавленные в Златоусте, превзошли всякие ожидания. При их испытании ни одна иностранная пушка не преодолела рубеж двух тысяч выстрелов, а «обуховская» выдержала более четырёх тысяч выстрелов, почти в два раза больше. В день, когда должен был состояться четырёхтысячный выстрел, полигон посетил сам император Александр Второй. В ответ на вопрос императора, уверен ли он в прочности пушки, Обухов предложил сесть на неё верхом и так дожидаться юбилейного выстрела, – с гордостью заключил он.

Ростислав Викторович не унимался и предложил Ивану взобраться по крутым склонам горы на площадку, с которой открывался на город красивый вид.

Поднявшись на вершину горы, Иван изрядно устал, в то время как рассказчик бодро преодолел восхождение, хотя и был на много лет старше Ивана.

Стояла солнечная погода. Чётко скомпонованный городок предстал перед ними в золотом сиянии небес.

Вид его был настолько красочен и торжественен, что Иван воскликнул в изумлении:

– Ух, дух замирает, какая красота!

Он увидел город целиком, состоявшим из несколько своеобразных частей, где в центре возвышалось здание церкви с пятирусной колокольней, за которым стояли небольшие двухэтажные под красной штукатуркой в форме каре кирпичные дома. Сразу за домами длинными линиями растянулись заводские корпуса, трубы которых выпускали синеватый лёгкий дымок. Большинство же домов были деревянными, хотя и они различались своими размерами и красотой отделки. Более высокие украшенные деревянной резьбой дома стояли длинной лентой вдоль заводских строений, прижимаясь к подножию покрытых деревьями гор, и заявляя свою значимость среди остальных домов. Другие дома потянулись по наклонной линии в горы, рассыпавшись на обширном пространстве.

Сверху представлялось всё это живописной картиной, над которой заводская синяя дымка завода ещё более усиливало впечатления.

Ростислав Викторович, как бы подводя итог своему рассказу, сказал:

– Этот уютный уголок города спланировал тоже бывший петербургский студент, наш земляк, Фёдор Тележников, который после окончания Академии художеств возвратился в Златоуст и стал архитектором Златоустовской оружейной фабрики. По его проектам и были построены соборы, колокольня, корпуса заводов и фабрик.

Далее он отметил, что перепады высот у различных златоустовских улиц порой превышают сотни метров и тянутся между горами.

– Иначе на Урале город не построить, – добавил он и указал рукой на горизонтальную волнистую линию гор.

– Ты видишь вон там, на горизонте, двуглавую сопку? Вон там! – сказал он, взял Ивана за плечо и рукой указал направление.

– Это – Таганай. Там же проходит граница Европы и Азии.

Иван поблагодарил Ростислава Викторовича за прогулку и, выразил своё отношение к увиденным видам, сказав, что город ему понравился, но особенно рассказ о нём.

Спускаться с высоты пришлось по узенькой каменистой тропке, ведущей прямо к собору.

Вскоре они возвратились домой, где их вновь поджидала Ксения Григорьевна со своими вкусными блюдами и разносолами, напомнившая им, что вечером приезжает их дочь Маша, которую через несколько часов им надо будет встретить на железнодорожном вокзале.

Встречать дочь пригласили и Ивана, но до этого было ещё несколько часов отдыха.

Поближе к вечеру, когда солнце стало уходить за возвышающиеся на западе горы, они все втроём отправились на уже знакомый Ивану златоустовский вокзал.

Поезд пришёл ровно по расписанию. Встречающих было немного, но все они ринулись к вагонам. В приоткрытых дверях пятого вагона показалась миниатюрная фигурка девушки. Иван догадался, это была Маша. Ксения Григорьевна ускорила ход, и все пошли за нею.

– Машенька, мы здесь! – громко крикнула мама.

Поезд остановился, и Маша стала спускаться по ступенькам вниз, а Ростислав Викторович успел поддержать её.

– Здравствуй, Машенька! Как доехала? – спросил он и поцеловал её.

Мама бросилась к дочери, обнимая и тоже целуя её, а потом представила Ивана:

– А вот и наш гость из Ленинграда.

По всей видимости, Маша уже знала о нём, потому что смело подошла и сказала:

– А я, Маша, здравствуйте.

– Очень приятно, Иван, – ответил тот, смущаясь.

Затем Ростислав Викторович взял чемодан, а Иван сумку, и они все вчетвером пошли к дому.

Девушка была весела, оживлённо разговаривая с матерью, смеясь и оглядываясь на мужчин.

Придя домой, Ксения Григорьевна снова накрыла всякими кушаньями стол и всех за него пригласила. Ростислав Викторович по поводу приезда дочери даже достал бутылку вина и предложил выпить за знакомство. Ксения Григорьевна поставила на стол четыре рюмки, куда Ростислав Викторович налил белого напитка. Женщины сели по одну сторону, мужчины – по другую.

Хозяин дома произнёс тост.

– Каждого человека можно сравнить с алмазом, который начинает сверкать только в отношениях с другими людьми. Только в дружеском общении они передают друг другу радости жизни, знания, признание достоинств. Я поднимаю рюмку с этим белым чистым вином за нашу дружбу, – сказал он.

Все согласились с этим и выпили. Мужчины выпили по полной рюмке, женщины оставили часть вина в бокалах, и разговор продолжился сам собой. Ксения Григорьевна спросила, понравился ли Ивану их маленький городок, на что Иван ответил положительно, и выразил чувство благодарности хозяевам дома, сказав:

– Я получаю здесь такое душевное тепло и внимание, что буду помнить всю жизнь. А вы, Ксения Григорьевна и Машенька, просто ангелы, спустившиеся с небес на эти прекрасные горы. В лице же Ростислава Викторовича, такого умного, доброжелательного и чуткого человека, я встретил полное понимание, и он за такое короткое время стал для меня просто родным. Спасибо вам.

Ксения Григорьевна тут же ответила:

– Вы тоже очень приятный молодой человек.

Разговор продолжался за столом более часа, лишь Маша смущалась и краснела, а потом вдруг предложила перенести застолье на свежий воздух.

Все поднялись. Ксения Григорьевна вышла первой, чтобы подготовить на крыльце новый стол. Иван вышел за ней, чтобы помочь. Тут же следом вышла Маша и Ростислав Викторович, захвативший с собой два стула.

На столе зажгли свечу, отсвет от которой вырисовывал лица, которые Ивану казались загадочными и ещё более красивыми.

Вино, разгорячившее всех, добавило к естественной красоте женщин ощущение весёлости и чувственности. Маша встала, подошла к перилам открытого крыльца, пересилив своё волнение, сказала:

– Ваня, смотри какая красота вдали.

Все стали смотреть в сторону города и искать в темноте очертания зданий.

– Да, красиво, – ответил Иван.

– А вон завод и возле него отсвет воды, – сказал Ростислав Викторович.

Маша же посмотрела на небо и, отыскав самую яркую звезду, спросила Ивана:

– А ты можешь читать карту звёздного неба? Можешь ориентироваться в этом множестве звезд и созвездий?

– Нет, я плохо ориентируюсь в звёздах, – честно ответил Иван. У нас небо постоянно закрыто тучами, поэтому часто смотреть на звёздное небо мне не приходилось. А здесь прекрасная видимость и чётко вырисовываются звёзды!

– Да, – вздохнула Маша.

К разговору подключился Ростислав Викторович:

– Вы заметили, что в темную и безлунную ночь вспыхивающие на небе сотни и тысячи звезд имеют различный отблеск, что связано как с разницей в расстояниях между ними, так и в разнице их действительной светимости.

– А вы, Ростислав Викторович, хорошо ориентируетесь в звёздах? – спросил Иван.

– Да, – утвердительно произнёс он. Чтобы хоть как-то ориентироваться в этом море различных искорок вселенной надо познакомиться с картой звёздного неба. Всё просто. Все звёзды объединены в группы, созвездия, участки, на которые учёные разделяют звездное небо. Еще в древних государствах люди выделяли на небе фигуры и давали им имена животных и героев различных сказаний. Вот посмотрите на созвездие Большой Медведицы, её ковш составлен из семи ярких звезд и окружающих их менее ярких звезд. Они напоминали древним грекам медведя. В одном из сказаний говорится о том, как боги за неверность превращали других то ли богов, то ли людей в медведиц, отправив их на небо.

Маша, выслушав эту легенду, сказала:

– Папа, у тебя звёзды, словно живые организмы.

– Да, многие люди так считают, особенно здесь на Урале, ведь они смотрят на нас такими проникновенными глазами. Хотите, я прочитаю вам стихи, сочинённые мною много лет тому назад, а потом расскажу вам одну очень важную для нас с Ксенией историю.

Все молча закивали головами в знак согласия, а Ростислав Викторович на минуту задумался и, глядя в тёмное небо, начал читать.

«Как сердце бешено стучит,
Не в силах скрыть свои волнения,
И до сих пор в глазах стоит
Тот миг святого откровенья.

Утёс, берёзка, чья-то тень,
Прощальный свет в глазах играет.
Задумчивый ушедший день
На сердце камень оставляет.

Светла далёкая звезда,
И дорог тот огонь мерцанья.

Твоей души лишь красота
Останется мне в назиданье,

Как обещанье не забыть
Тепло несбывшихся мгновений.
В простом стремлении любить
Угасла жизнь. И вечный гений

Унёс любовь в тот райский мир,
Где нет земли, нет человека,
Где Бог, души её кумир,
Где звёздный мир в небесных реках.

В далёкой голубой тиши
Необъясним разбег Вселенной.
Небесный мир непостижим.
Там жизнь, как вихрь, как зов смятенный.

И мы, внимая свет звезды,
Надеемся, что в дальнем море,
Нас согревает взор любви,
Покинувший земли просторы».

Голос его звучал проникновенно и искренне. Ксения Григорьевна никогда не слышавшая от него этих стихов, немного удивилась, что муж их сочинил.

Она сделала вид, что очень устала и ушла, попросив мужа рассказать молодым одну из историй их жизни.

Ростислав Викторович призадумался и ещё раз обратил внимание Ивана и Маши на звёзды Большой Медведицы, сказав:

– Теперь вы знаете, какие страсти разгорались между древнегреческими богами в этом созвездии. Но у нас есть своя история, напоминающая о земной, к сожалению, трагической странице нашей с Ксенией Григорьевной жизни.

Вот что поведал им Ростислав Викторович. Было это много лет тому назад, в пору их с Ксенией Григорьевной юности, когда он, Ксения и её подруга Рая были школьниками.

Он был постарше и учился в выпускном десятом классе, а девочки учились классом ниже. Они познакомились на школьном новогоднем вечере, на котором танцевали и пели песни, читали стихи, играли в различные игры и долго не расходились по домам. После вечера все катались по снегу с горок, громко шутили. Тогда и приглянулась ему Ксения, с которой они всё время оказывались рядом, и он, как бы шутя, подтолкнул её так, что они вдвоём упали в снег и в первый раз поцеловались.

– Жар окутал моё тело, я помню этот момент до сих пор, – эмоционально рассказывал Ростислав Викторович. Это увидела Рая, неожиданно убежавшая домой, но назавтра в своём школьном портфеле я обнаружил её записку со словами «Я тебя люблю», причём слово «я» было жирно выделено. Для меня, очарованного красотой Ксении, эта записка уже ничего не значила, но Рая постоянно попадалась на глаза, хотя сердца моего так и не затронула.

Ксения же по – прежнему дружила с ней, и они втроём часто из школы уходили вместе, чтобы потом разойтись по домам.

Наступила весна. Десятиклассники готовились к сдаче школьных экзаменов. Был первый экзамен по русскому языку, писали сочинение. Девочки очень переживали за него и дежурили возле школы. Они принесли много сирени, которой устали все окна класса, где был экзамен.

Ростислав учился в школе хорошо, поэтому был уверен в успешной сдаче всех экзаменов, но девочки за него всё равно переживали.

После сдачи каждого из экзаменов они долго гуляли по городку, обсуждая и рассказывая всякие истории, сидели на высоком мысу над рекой и мечтали о будущем.

И вот наступил последний экзамен. Сдал Ростислав его отлично, но Рая почему-то в первый раз поболеть за него не пришла. Ксения же ничего не ответила на вопрос, почему нет её подружки.

Уже позже стало ясно, что между ними состоялся серьёзный разговор о том, с кем он должен был остаться после экзаменов.

На следующий день Рая подошла к нему сама и, попросив с ней прогуляться, очень робко завела разговор о будущей его профессии, а затем попросила взять её за руку и пройти с ней к утёсу. Они, дойдя до того места высокого утёса на берегу реки, откуда открывалась величественная панорама гор и полноводной реки, остановились. Рая неожиданно крепко сжала его руку и потянула её к своей груди, сбивчиво говоря слова: «Ты мне самый дорогой человек на земле».

Он отодвинулся от неё и сказал: «Рая, я люблю Ксению».

И тогда девушка, захлёбываясь в слезах, побежала обратно от утёса и вскоре скрылась за поворотом. Больше её уже никто не видел.

На следующий день вся школа пришла в движение, Рая исчезла. Никаких сведений о ней обнаружить не удалось, только на высоте утёса был обнаружен её цветной платочек, повязанный на распустившуюся веточку молодой берёзки. Предполагают, что она сбросилась с двухсотметрового утёса в воду. Две недели все ребята школы её искали, но кроме повязанного платка ничего найти не удалось. Все были очень опечалены этим событием.

Но жизнь продолжалась. Ростислав уехал поступать в горный институт, сдав на отлично все экзамены, а через год в этот институт поступила учиться и Ксения. Там в институте они и поженились, а после его окончания молодыми специалистами их приехали в Златоуст, где для них и возвели этот дом.

– С этого крыльца мы постоянно любимся звёздами, – после некоторой паузы сказал Ростислав Викторович и, глядя вверх, продолжил:

– Однажды мне приснился сон. Любуясь звёздами, я увидел, как от Большой Медведицы отделилась одна из них и стала приближаться к земле. Она светилась всё ярче и ярче и вдруг остановилась. В золотом сиянии показались огромные широко раскрытые голубые глаза Раи, потом появилось её лицо, чистое, красивое и молодое без единой морщинки. Её небесные уста раскрылись и произнесли «Я с высоты постоянно слежу за вами, Ростислав и Ксения. Живите счастливо. Мне хорошо там, в небесах, а вам хорошо здесь, на земле. Я очень рада за вас. Обо мне не печальтесь, вы ни в чём не виноваты».

Он замолчал и, посмотрев на Ивана и Машу, тихо, словно виновато подведя итог своему рассказу, сказал:

– Вот тогда почти во сне сами по себе и родились эти стихи, потому что память о Рае всё сильнее и сильнее тревожат наши души. Ксения Григорьевна в её смерти винит себя. Но разве мы виноваты в нашей с Ксенией любви друг к другу? Вот теперь я каждый день смотрю на Большую Медведицу и в третьей справа звезде нахожу глаза Раи. И я верю, что она действительно живёт в раю, потому что её первое чистое чувство любви передано в жертву её судьбе.

Иван, взглянув на Машу, увидел, что глаза её были полны слёз, да и сам он еле сдерживал себя, чтобы не заплакать.

Маша, утирая глаза, произнесла:

– Папа, я очень люблю тебя и маму. Вы ни в чём не виноваты.

Ростислав Викторович посмотрел на их чувственные лица, сказав, что, если они хотят, то пусть постоят ещё здесь, а он пойдёт к Ксении.

Молодые остались и, чтобы усмирить чувства, стали разглядывать звёзды и после продолжительного молчания Иван первым нарушил тишину, сказав:

– Какие прекрасные у тебя родители, Машенька.

Маша плакала. Потом она собралась с мыслями и ответила ему:

– Как хорошо, что ты приехал к нам. У меня на душе сейчас так светло, как будто эти золотые звёзды проникают в меня, и я чувствую, что они живые.

Она прислонилась плечом к Ивану, а он не мог отодвинуться от неё. Так и стояли они на крыльце, чувствуя биение своих сердец.

Потом пришла Ксения Григорьевна, стала рядом с Машей и сказала:

– Я вижу, что вы расстроились, ну, ничего, уже поздно, пора спать, утро вечера мудренее.

Она провела Ивана в его комнату, но уснул он не скоро, думая о своей жене и сыне и представляя её здесь, на далёком Урале, на этом крыльце, среди прекрасных людей.

На следующий день все договорились сходить на источник «Святой ключ», а затем в собор, чтобы поставить свечи в память о живых и мёртвых.

Попутно решили зайти на сопку, где погибла девушка Рая.

Подходя к утёсу, издалека все увидели много разноцветных берёзок. На их веточках и стволах шелестели на ветру десятки цветных завязанных на узелки платочков и ленточек. Это было очень красиво и необычно.

Ксения Григорьевна тоже достала заготовленные ею цветные ленточки, и каждый из них повязал их к берёзкам, недавно выпустивших свой ещё прозрачный зелёный наряд.

С утёса открывался величественный вид на горы и широкую водную панораму реки.

Иван посмотрел вниз с двухсотметровой высоты и бросил небольшой камешек. С гранитной скалы камень упал в воду, очертив круговое движение волны.

– Надо было возбудить в себе чрезвычайное и очень сильное эмоциональное состояние, чтобы броситься в пучину воды с такой огромной высоты? Какая же это великая сила любовь? И что с человеком может сделать неуспокоенная любовь? – задавал он сам себе вопросы.

Все думали про себя о трагедии Раи, в причинах которой невольно были замешаны родители Маши.

Чтобы снять напряжённое состояние, все отправились к Святому ключу, высокогорному источнику, поднимаясь всё выше и выше. Этот подъём наверх давался им с трудом, но то, что они увидели, было многократно оправдано.

Перед ними открылись высокие освещённые солнцем белые горы, по которым бурным водопадом стекала вниз вода, падая в широкий водоём. Дно источника, покрытое осколками белого кварцита, словно источало свет, придавая воде особую прозрачность.

Ростислав Викторович сказал, что это вода лечебная и что в ней можно купаться.

– Вода хоть и прохладная, но после купания люди преображаются в своём здоровье, – добавил Ростислав.

Женщины согласились войти в воду первыми, а мужчины, чтобы их не смущать, отвернулись, дав им переодеться. Только тогда, когда послышался взвизгнувший голос Маши, а потом и Ксении Григорьевны, они посмотрели в их сторону.

В воде их трудно было отличить друг от друга, обе в голубых купальниках уже весело щебетали в воде.

– Раздевайтесь скорее, идите сюда. Холодно только вначале, – приглашала Ксения Григорьевна.

Переодевшись за большим камнем, мужчины по белым ступенькам тоже вошли в воду.

Иван почувствовал, как перехватывается от холода его дыхание и хотел сразу выйти на берег, но, увидев, что на него устремили взгляд женщины, превозмог себя, чувствуя, как тело медленно привыкало к прохладной воде.

Вскоре женщины, закончив купание, проплыли мимо мужчин и по ступенькам стали подниматься на берег. Их крепкие, словно точёные фигуры блестели от стекающей воды и сверкающего по ним солнца. На берегу водоёма они скрылись за камнем и через несколько минут появились одетые в платья с полотенцами в руках.

Одно из них Маша несла Ивану, а другое Ксения Григорьевна протянула своему мужу.

Выйдя из воды и растёршись докрасна, Иван почувствовал необычайную бодрость тела.

Все возвращались с прогулки в хорошем настроении. Ксения Григорьевна и Ростислав Викторович шли отдельно, а Маша всё время разыгрывала Ивана, прячась от него за деревьями. Они бегали друг за другом, и однажды столкнулись так, что Иван схватился за Машу и, чтобы та не упала, прижал к себе. Она вырвалась и побежала дальше, повторяя слова:

– Не догонишь! Не догонишь!

Так они с весёлыми играми приблизились к окраине Златоуста и, дождавшись Ростислава Викторовича и Ксению Григорьевну, решили зайти в собор. Женщины молча пошли к свечной лавке, а мужчины прошли вглубь молельного зала, где проникновенные глаза святых умиротворённо смотрели на них со всех сторон.

Иван остановился возле иконы Тихвинской богородицы, которая своим строгим взглядом царицы – путеводительницы благословляла прихожан на добрые дела.

Потом взгляд перекинулся на икону с изображением Иоанна Златоуста, указывавшего путь к христианским познаниям. Везде горели свечи, и пахло ладаном.

Подошла Маша, протянув Ивану две свечи. Словно вспышка озарила его, и он представил перед собой лицо жены, потому что почти те же действия им совершались год назад в Никольском соборе Ленинграда.

Отвлечься ему не дала Маша, стоявшая рядом. Она, словно почувствовав сменившееся настроение Ивана, чуть – чуть подтолкнула его, чтобы подойти к висевшей рядом иконе «Благовещение». Перед ними предстала Дева Мария в пурпурном одеянии, которой архангел Гавриил передавал свиток со словами приветствия о благой вести появления у неё сына.

Маша смотрела на эту икону с умилением, словно это ей передавались благие вести о будущем рождении сына.

Потом они переходили от одной иконы к другой, где на них смотрели лица святых, призывавших верить во что-то очень высокое, отвлечённое и приятное.

Долго задерживаться в соборе не стали. День клонился к вечеру, солнце было ещё высоко, но горы то и дело закрывали его.

Маша была в хорошем расположении духа и постоянно оказывалась возле Ивана. Ксения Григорьевна и Ростислав Викторович предложили идти сразу домой, на что Маша сказала:

– Вы идите, а мы ещё немного погуляем. Я покажу Ивану мои любимые места.

Ксения Григорьевна попросила Машу долго не гулять, потому что завтра рано утром надо было уезжать: ей – учиться, а Ивану – в экспедицию на Таганай.

– Хорошо, мамочка и папочка, мы недолго, – ответила дочь.

Иван заметил, что эти слова Маша произнесла с грустью. Она хотела посвятить Ивана в свои тайны, рассказать ему о местах её детской привязанности, о подружках, школе, в которой она училась.

На прогулке по улицам Златоуста Маша была весела, увлекала Ивана своими воспоминаниями, брала его за руку и тянула вверх, а потом наоборот разгонялась с горки и кричала, чтобы он её ловил.

Ивану это нравилось, но он боялся быть вовлечённым в игру прикосновений с молодой девушкой.

Время пролетело быстро, и они даже не заметили, как ноги сами подвели их к дому. Маша шла впереди, протягивая свою руку Ивану, и, крепко ухватившись за неё, тянула его к своему родному жилищу.

– Какая ты сильная! – сказал он.

– И верная, – с хитрецей ответила она.

Дома их ждал уже накрытый обеденный стол, искусно приготовлено хозяйкой.

Иван отметил это словами:

– Дорогая, Ксения Григорьевна, вы просто чудесница. Как только мы приходим домой, то погружаемся в такие волшебные запахи, от которых исходит прилив здоровья и красоты. Теперь мне понятно, почему вся ваша семья такая здоровая, красивая и счастливая. И это теперь укрепляет и меня. Позвольте считать вас моей третьей мамой. Первая мама у меня та, которая меня родила, вторая – мама моей жены, а вы станете мне третьей мамой, если согласитесь. Я вас полюбил за доброту, приветливость и красоту.

Весь вечер третья мама собирала дочь и Ивана в завтрашнюю дорогу. Дочери она набрала всяческих съестных припасов, состоявших из банок и кулёчков, уложила их в большую сумку и поставила на крыльце.

Ивану она также набрала сумку припасов. Он отказывался это брать, но она утвердительно не поддающимся сомнению голосом по – хозяйски её завязала и поставила рядом с сумкой дочери.

А молодые люди долго не могли уснуть. Маша постоянно выходила из своей комнаты, надеясь постоять с Иваном на крыльце. И добилась своего. Когда он вышел, то она как бы случайно, спросила:

– Ой, как хорошо, что ты вышел. Я хотела у тебя спросить, а в Ленинграде в эту пору светло как днём? – и увлекла его вновь на открытую веранду. Ему пришлось рассказывать ей о белых ленинградских ночах, о красоте разводящихся в эту пору мостов, которыми очаровываются влюблённые пары, гуляющие по набережным до утра.

Маша слушала и всё более и более влюблялась в Ивана. Она не хотела с ним расставаться и задавала ему личные вопросы, на которые он не мог ей дать ответ.

Время уже было за полночь, а Маше не хотелось спать. Она стояла и смотрела в упор на Ивана, который всё время отводил от неё свои глаза.

Ей захотелось, чтобы он поцеловал её, для чего сделала некоторое усилие, но в это время дверь распахнулась и на веранду вошла Ксения Григорьевна.

– Вы что не спите? Завтра надо подниматься рано.

– А я спать не хочу, – сказала Маша.

– Значит, Иван хочет спать, ты его, наверное, замучила своими вопросами. Будет ещё время, наговоритесь. А сейчас, спать, – категорическим тоном сказала мама.

Все разошлись по своим комнатам.

Маше совсем в эту ночь не спалось, она постоянно вставала с постели, выходила на крыльцо и смотрела на звёзды. В её душе было не спокойно.

– Неужели это любовь? Что же мне тогда делать? – думала она про себя.

Иван тоже мало спал. Он думал о жене, которой рассказал в письме о последнем дне, проведённом в Златоусте. Конечно, подробности о Маше он умолчал.

Рано утром в дверь Ивана постучала Маша.

– Просыпайся, Ваня. Надо собираться.

Ивану предстояло расставание с полюбившейся ему семьёй.

– Но кто знает, ты полагаешь, а бог располагает, – рассуждал он про себя.

Первой проводили Машу, которая была очень расстроена отъездом. Перед отправлением поезда она сказала Ивану:

– В субботу возвращайся домой, мы будем тебя ждать.

На глазах её выступила слезинка, отчего Ксения и Ростислав переглянулись между собой. Все пожелали Маше успешной сдачи экзаменов и возвращения через неделю домой.

Поезд тронулся, а девушка долго стояла у открытой двери вагона. Но вот хвост поезда скрылся за горами, и все пошли домой, чтобы теперь проводить в командировку Ивана.

Ксения Григорьевна вручила ему заготовленную тяжёлую сумку и пожелала успешного знакомства с краем и возвращения «домой», употребив слово, сказанное Машей.

Иван вместе с Ростиславом Викторовичем пешком пошли к нему на работу, где в своём кабинете тот долго выяснял возможность отправления Ивана в командировку на попутном транспорте.

Одновременно по рации он поговорил и с самим Владимиром, который обещал его встретить и решить вопросы снабжения.

Машина пришла только через час. Мужчины обнялись, и Иван, закинув сумку в кузов, залез в кабину на сиденье рядом с водителем, отправившись в неизведанное путешествие к загадочному Таганю.

Глава 4. Дорога в горы

Удивительно красивы окрестности Златоуста. Неповторимость здешних горных пейзажей отмечали многие ученые, путешественники, художники и писатели. Об этом читал и Иван, но теперь ему пришлось это увидеть своими глазами.

Дорога, ведущая вверх, поначалу была торной, но ровной, но чем далее они отъезжали от города, тем больше стало появляться выбоин, которые приходилось постоянно объезжать.

Правда, это не мешало любоваться подъёмами и спусками, над которыми то вдаль, то ввысь простирались прозрачной дымкой зеленоватые покатые вершины и низины гор.

Водитель оказался знающим себе цену мужчиной лет сорока. Звали его Николай Александрович.

– К нам в геологи будете, откуда приехали? – спросил он.

– Из Ленинграда.

– Вы у нас первый раз?

– В этих местах, впервые. Какие красивые места!

– Да, красивые. Я много лет за рулём и постоянно восторгаюсь весенней и осенней красотой всё время меняющей свои цвета и рельефы местностью. Эти места особенные и мне достаточно иногда несколько минут, чтобы въехать из Европы в Азию и обратно. Где ещё найдёшь такие места? Только здесь.

Иван заметил, что Николай, разговаривая, на него не смотрел, твёрдо держа руль в своих руках, поворачивая его, то направо, то налево. Дорога постоянно петляла между вершин, и нужно было быть очень внимательным, чтобы не съехать вниз с дороги, ещё до конца не окрепшей.

Неожиданно за поворотом появилось селение с деревянными домиками.

– Уржумка, – указал водитель на домики.

Потом, выдержав паузу, продолжил:

– Здесь находится железнодорожная станция и протекает речка с одноимённым названием. «Ур» значит «белка», наверное, когда-то этих зверьков здесь было видимо-невидимо. В полуверсте от посёлка там впереди на высшей точке Уральского хребта находится сложенная из гранитных тесаных плит пирамида, указывающая на пересечение границы Европы с Азией.

Машина продолжала медленно подниматься по дороге, похожей на петлю, круто поворачиваясь вправо и вверх, и на самой вершине остановилась.

Из окна машины чуть ниже дороги Иван увидел высокий четырёхгранный белый обелиск.

– Это и есть пограничный столб, разделяющий евразийский материк на две части света, – сказал Николай Александрович.

Внутренний трепет прошёлся по телу Ивана, в первый раз он оказался на перевале Уральских гор, почувствовав себя между двух земных гигантов.

Водитель предложил выйти из машины и проследовать к обелиску.

Никакой специальной дорожки, ведущей к нему, не было, всё заросло травой, поэтому Николай предложил просто съехать вниз по крутой наклонной поверхности. Словно на лыжах подкатились они прямо к площадке, где стоял памятник.

Иван вплотную подошёл к обелиску и рукой дотронулся до гранитных тесаных плит, показавшихся ему очень тёплыми, и долго не отпускал от них своих ладоней, стараясь надолго запомнить это прикосновение.

Отправившись далее по серпантину уральских дорог, они продолжили беседу. Инициативу каждый раз брал на себя Николай Александрович, который, задавая вопросы, почти всегда на них отвечал сам.

Вопросы были познавательны для Ивана, а иногда заставляли серьёзно задуматься.

– Иван, как ты думаешь, а почему граница между Европой и Азией существует именно здесь? – был один из таких вопросов.

Иван не был готов к ответу и вновь подумал, как многого в этом мире он ещё не знает. Николай же понял, что ответа не услышит, сам стал отвечать на него.

Он утверждал, что многие века граница между Европой и Азией блуждала по разным местам, и только в начале восемнадцатого века была помечена на картах по линии Уральских гор, причём эта заслуга принадлежала первому исследователю природы Урала Василию Никитичу Татищеву, принимавшему Уральские горы за водораздел. Он первый обозначил её потому, что в противоположные стороны, на восток в Азию и на запад в Европу, начинали своё течение великое множество рек.

– Даже рыбы, плавающие в этих реках, не только разных видов, но и разных вкусов, – сказал он и неожиданно перевёл разговор на новую тему, спросив:

– Иван, а что слышно в Питере о военных событиях, не начнётся ли война?

Иван, который вообще никогда об этом не думал, стал говорить общие слова о том, что граница наша на крепком замке и так далее, однако, с этого момента задумался. Урал далеко, а его родные люди живут очень близко к западным границам. Он даже ненадолго замкнулся в себе, не в силах выйти из этого вдруг возникшего тревожного состояния.

Наконец, машина подъехала к лагерю. Водитель сам зашёл дом, вызвал Владимира и представил ему гостя.

Владимир Петрович Демидов принял Ивана по-дружески. Ему было лестно то, что сам Ростислав Викторович Самсонов позаботился о молодом геологе. Он провёл его в свой кабинет, усадил на диван, и, позвав мужчину, заглянувшего к нему, сказал:

– Знакомься, новый член нашей команды Иван Шишков.

На что мужчина сказал:

– Очень приятно, – и представился:

– Олег Иванович.

И далее, обращаясь к Владимиру, спросил:

– Где его определить? В какой комнате?

– Рядом со мной и всё сделать по полной программе, – указал Владимир.

Мужчина ушёл, а Владимир спросил:

– Иван, откуда вы знаете Ростислава Викторовича? Это очень уважаемый среди геологов специалист и хороший человек.

На что Иван ответил:

– Я и сам не знаю, как то случайно познакомились. Мало того, он приютил меня у себя дома, познакомил со своей семьёй. Очень достойная и красивая у него жена. Хороша и дочь.

Они вышли из кабинета, прошлись по этажу и зашли в небольшую скромно обставленную комнату с единственным окном, закрытым казёнными в две полосы занавесками.

Владимир пояснил:

– Это комната на случай моего позднего возвращения с экспедиций, а здание, в котором мы находимся, служит нам и конторой, и лабораторией, и общежитием. Здесь сейчас отдыхают некоторые наши ребята. Мы ведь постоянно в движении, да ещё и с тяжёлой поклажей. Завтра, а может быть и сегодня, вы с ними познакомитесь. Правда, я должен предупредить, что все ребята называют здесь друг друга на «ты».

Иван засмутился и сказал:

– Владимир Петрович, конечно, называйте меня на «ты».

На что Владимир ответил:

– Хорошо, меня тоже называй на «ты», а впрочем, как хочешь. Ты ведь ещё совсем молодой человек.

В комнату вновь зашёл Олег Иванович, объявивший, что место для Ивана готово, кровать убрана и застелена.

Перед тем, как показать его Ивану Владимир Петрович в присутствии Олега Ивановича сказал:

– Дорогой молодой человек, Иван. Мы принимаем тебя в свой отряд и надеемся, что на Тагане тебе понравится. Здесь проверяются истинные геологи. А наши ребята тебе в этом помогут. Работа у нас трудная и отнимает много физических сил. Приходится много ходить пешком по горам с тяжёлыми рюкзаками за плечами, поэтому, приходя на станцию ДУТ, как мы называем этот дом, здесь отдыхаем. ДУТ в нашем понимании – это «Дом у Таганая».

А потом спросил его, куда бы он завтра хотел совершить свой первый поход.

Иван сразу, не задумываясь, ответил:

– Конечно, к горе Откликной.

Владимир добавил:

– Она проверяет на верность и мужество каждого геолога. Но утро вечера мудренее, поэтому давай посмотрим твою комнату.

И они пошли осматривать её, где всё было устроено по казённому порядку и рассчитано на одного человека: кровать, стол, тумбочка и стул.

Вскоре Владимир и Олег ушли, а Иван сел на стул и задумался.

Как быстро переворачивались перед ним картины его командировочной жизни. Всё происходило настолько быстро, где, словно смазанной картинкой, высвечивались только отдельные эпизоды. Дорогие ему лица, как облака, проплывали перед глазами. Захотелось взяться за перо и написать письмо жене.

И хотя письмо писалось очень легко, всё же что-то неуловимое тяготило его. Особенно волнительно представлялась ему предстоящая встреча с геологами и с горой Откликной.

На следующий день Иван проснулся рано, только начинало светлеть. Он выглянул в окно и прямо перед собой увидел тёмную стену. Оказалось, что здание станции со стороны окна почти вплотную упиралось в подножие горы.

Иван оделся, вышел из дома и оказался на широкой площадке, край которой обрывался глубокой впадиной. За ней высоко вверх поднимались покрытые молодой зеленью горы. Дом стоял почти у обрыва.

Это было столь необычно оказаться в глухой горной местности, где жили одни геологи и куда только по особому случаю очень редко заезжали машины.

Стали просыпаться геологи, один из которых спешил с пустыми вёдрами к колодцу.

Это был дежурный, и Иван подошёл к нему:

– Доброе утро! Меня зовут Иван, я у вас новенький.

– Доброе, как видишь солнечное и голубое. Приятно познакомиться. Меня зовут Николай.

Иван никогда не видел такого глубокого колодца, уходившего куда-то вниз, и в который с помощью круглого барабана и накрученной на него верёвки опускалось пустое ведро. Иван сам попробовал набрать воды, но ведро у него скользило по поверхности, оставаясь не заполненным. Тогда за верёвку ухватился Николай, который мгновенно петлёй откинул верёвку почти одновременно в сторону и вниз, от резкого верного движения ведро опрокинулось и, зачерпнув влагу, ушло вглубь.

Николай поднял ведро наверх, поставив его на специально устроенную площадку. Прозрачная ключевая уральская вода игриво плескалась в цинковом ведре, выливаясь по краям. Иван жадно приложился к ней, ощутив очень холодный и одновременно мягкий вкус.

Смахнув рукой капавшие с его бороды остатки воды, он сказал:

– Ну, дежурный, напоил ты меня от души.

Николай продолжил свою роль, отправившись разливать воду по рукомойникам, а Иван пошёл в дом и увидел Владимира, спешившего к нему навстречу. Поздоровавшись, тот сказал:

– Отрадно, что рано встаёшь. Как тебе наши горы?

Иван ответил:

– Такой первозданной красоты я ещё не видел и нахожусь в восторге от раннего утра и диких мест.

– Дальше будет ещё интереснее. А теперь надо привести себя в боевой порядок, примерить форму, собрать рюкзак, и, самое главное, подобрать сапоги на ноги. Ходить придётся много. Начало экспедиции назначено на четырнадцать часов дня. В это время начинает спадать жара. Пятичасовая дорога с рюкзаками за плечами по камням будет не из лёгких, поэтому дисциплина в походе у нас строгая, – предупредил Владимир.

После завтрака Владимир отвёл его в кладовую, где хранились походные принадлежности. Там уже собрались и все остальные назначенные в экспедицию геологи.

Среди них были уже знакомые Ивану Олег, вчерашний знакомый, Николай, с которым знакомство состоялось у колодца, и Александр, с которым он познакомился ещё на вокзале в Челябинске.

Александр по просьбе Владимира персонально помогал Ивану собираться в путь, подбирая и примеряя ему сапоги, костюм и все другие походные принадлежности.

В полдень все собрались на обед, который продлился ровно двадцать минут, а затем до четырнадцати часов дня был объявлен краткий отдых.

Иван, хотя и прилёг на кровать у себя в комнате, но уснуть не мог. Он представлял себе горы, тропинки среди них, каменные реки, глубокие ущелья, загадочный хребет Откликной.

Время пролетело незаметно, и громкий голос Владимира пригласил всех на сбор.

Наконец, экспедиция на Таганай началась, и пятеро геологов друг за другом двинулись в путь. Первым шёл Владимир, за ним Олег, Иван, Николай. Замыкал группу Александр, настоящий богатырь, самый высокий и сильный среди всех. Пройдя несколько сот метров по прямой дороге, они свернули на тропу, уходящую в лесные горные заросли.

Более двух часов понадобилось им, чтобы дойти до моста через реку Большая Тесьма. Рюкзак Ивана, казавшийся сначала лёгким, постепенно превращался в грузную ношу, тянущую книзу. Неприспособленный организм молодого геолога с трудом сопротивлялся этой тяжести, но постепенно силой своей воли он задал внутренний ритм движению и шаг за шагом, принаравливаясь к рюкзаку, преодолевал расстояние. Его спина постепенно стала влажной, плечи под ремнями натёрлись и начинали болеть. Несмотря на это, Иван не проронил ни слова и шёл вслед за геологами, которые в отличие от него, казалось, не испытывали признаков усталости.

Возле моста на поляне был объявлен привал. Все остановились и стали освобождаться от рюкзаков.

Пока геологи шли по тропе, Владимир не произнёс ни одного лишнего слова. Здесь же на привале он подошёл к Ивану и спросил:

– Иван, как самочувствие, не натёрлись ли плечи, не болят ли ноги?

На что Иван честно признался:

– Ноги в порядке, спасибо Александру, а вот плечи побаливают.

Владимир отошёл в сторону, а затем пришёл вновь, в руках у него были две мягкие подкладки.

Он сказал:

– Пойдём далее, подложишь под ремни.

Привал продолжался примерно полчаса. Иван подошёл к речке, спустился к воде, зачерпнув её пригоршней. Затем омыл лицо и попробовал на вкус, но пить не стал, только омочил губы, почувствовав освежающее её действие.

Он вернулся на поляну, где мужчины уже надевали свои рюкзаки.

– Ну что, ребята, ещё поднатужимся и через два-три часа будем на нашей базе, в Белом Ключе. Рюкзаки за плечи и пошли, – скомандовал Владимир.

И опять все пошли в той же последовательности: впереди шёл рулевой, посредине новичок, чтобы не отставал, замыкающим был самый сильный из геологов.

Тропинка шла вначале вдоль реки, потом постепенно стала уходить от неё в сторону, ушла вверх, опустилась вниз, приведя геологов к подножию горы.

– Вот и Белый ключ, здесь складываем нашу поклажу и приступаем к устройству ночлега, – сказал Владимир и подошёл к большому камню.

Иван удивился, как мужчины, сложив все рюкзаки вместе по кругу, сразу принялись за дело. За камнем оказался тайник, который Владимир приказал открыть Александру. Это была небольшая пещера, в которой были сложены доски, жерди, другие заготовки для возведения палатки и разведения костра.

Ставить палатку взялись Олег и Николай, а Александр, назначенный дежурным, стал заниматься приготовлением костра.

Ивана к работе не подключали, он пытался помогать, но его Владимир просил осмотреть местность.

– Иван, тебе задание, проверь, не завалена ли тропа к Белому ключу, пройдишь по ней, – сказал он и указал направление.

Иван понял, что это была вежливая просьба не мешать работе остальных ребят.

Иван отправился по заросшей травой и кустами тропе, приведшей его к водоёму, со всех сторон окружённому скалами, сложенными из белого кварцита. По ним зелёным платком свисали сочные ветки трав и деревьев. Это было настолько зрелищно, что Иван, остановившись перед этим художеством природы, воскликнул:

– Какая красота, белые горы предо мной!

Он стоял и думал, что что-то подобное он уже видел, когда вместе с Машей и её родителями посещал Святой ключ.

Полюбовавшись природной картиной, Иван возвратился в лагерь, где на площадке у камня уже стояла большая палатка, а чуть поодаль горел костёр, на котором готовился ужин.

– Ну, слава богу, ты в порядке. Как там Белый ключ? – спросил Владимир.

– Такая красота! – ответил Иван.

– Да, здесь красиво и богато. Белый ключ – это поляна с родником у подножия Двуглавой сопки, на которую мы поднимемся уже завтра. А сегодня будем отдыхать, выбери себе место в палатке для ночлега.

Иван зашёл внутрь палатки и нашёл свободный угол, куда перенёс рюкзак, вытащил из него спальный тюфяк и разложил его.

Вскоре дежурный Александр скомандовал:

– К столу!

За трудную дорогу геологи проголодались, поэтому ужинали с удовольствием, а приготовленный на костре ужин показался очень вкусным.

Потом все собрались у костра, чтобы обсудить план действий на завтрашний день.

Говорить начал Владимир:

– Давайте обсудим наши дела на завтра. Я предлагаю с утра обследовать Двуглавую сопку от Белого ключа до «Перьев», а затем вернуться обратно.

Возражений не было. Каждому геологу было поручено конкретное задание. Роль дежурного на следующий день досталась Олегу.

Владимир взял на себя роль наставника Ивана, как новенького у них в отряде.

Тем временем, костёр продолжал гореть, времени до сна было ещё много, и геологи были предоставлены до ночлега сами себе.

Солнце уходило за горы, и небо постепенно, но всё чётче высвечивало золото бесчисленных звёзд. Нагретый за день воздух сдавал свои позиции, медленно заменяясь прохладой.

У костра остались Владимир, Иван и Александр, поддерживающий горение костра. Остальные геологи находились в палатке и должны были подойти.

– Вот у меня никак не выходит из головы вопрос: почему в мире постоянно происходят войны? Иван, скажи ты мне? – неожиданно произнёс, между прочим, Владимир.

На что Иван отреагировал так:

– Я рождён для мира, поэтому и пошёл в геологи, чтобы людям приносить пользу. Войны же происходят от того, что некоторым людям нужен не мир, а война миров.

Владимир, подумав, произнёс:

– Это, наверное, и является причиной всего. Да, войны начинают люди, борясь за первенство. И это самое печальное.

Мужчинам всегда интересно поговорить о войне, поэтому Владимир сознательно начал разговор на эту тему, как бы тем самым подсказывая содержание злободневной вечерней беседы. Однако, Иван также подумал, что Владимир Петрович не случайно затронул тему войны. Ведь и водитель, подвозивший его сюда, тоже о ней спрашивал.

Тем временем подошли Олег и Николай.

Олег, услышав их разговор, не упустил случая изложить свои мысли.

Он сел на камень напротив Ивана и сходу стал говорить:

– Вот я думаю, что всему виной являются идеи, разрабатываемые или злыми, или больными людьми. И войны на основе идей являются самыми разрушительными. Я слышал, что немецкий фюрер захвачен одной из таких идей, смысл которой заключается в возможностях совершенствования человечества.

Он уточнил свою мысль, сказав, что развитие человека еще не достигло своего предела и должно пойти дальше к другому более развитому биологическому виду – сверхчеловеку. Ведь и сейчас ежедневная человеческая жизнь есть жертва, которую человек постоянно в себе преодолевает. Он и умирает, надеясь на то, что его потомство будет совершеннее, чем он сам. Человек ещё не дорос до себя будущего, и ему предстоит найти более возвышенный для себя образ. Решение такой задачи имеет естественный и длительный процесс. Трагедия же развязанной в Европе войны заключается в том, что Гитлер решил ускорить решение этой задачи силой, притом сделал сверхчеловеками только одну немецкую нацию, противопоставив её всем другим и принеся в жертву миллионы ни в чём неповинных людей.

Иван, внимательно вслушивался в мысли Олега, пытался их осознать, хотя своего твёрдого мнения у него на этот счёт не было.

В дискуссию вступил Николай, сказав, что в истории между народами было много войн, начинавшихся жадными и безнравственными правителями. Он считал, что помирить человечество может только нравственная культура простого человека, рождённого и живущего среди природы.

– Посмотрите на эти камни, вершины и впадины. Этот природный мир сам учит человека любить жизнь, беречь в себе человека физического и нравственного, – говорил он. Человек, живущий среди этой красоты, не захочет войны между соседями и тем более между народами. Здесь сами по себе рождаются нравственные люди, поэтому Урал всегда был мирным. Вот, мы, геологи, в горах проходим сотни километров по камням, залезаем на вершины, тратим много физических усилий, чтобы увидеть эти часто ещё неизведанные красивые места, а потом долго в памяти своей восхищаемся ими, и тем самым совершенствуем себя. Мы счастливы, что у нас есть и практическая цель. Кому – то мы своим рассказом доставим радость, а стране своими действиями – пользу. Красота природы облагораживает человека и делает великой нашу страну. Но за красоту во всех её проявлениях надо бороться и борьба за неё должна быть насы-

цена благородными идеями. Я уверен, что красоту Урала и нашей страны покорить никому не удастся.

К разговору подключился и Александр:

– Гитлер хочет с помощью войны установить свой мир сверхчеловеков, это ли не обман простых людей, – утверждал он. Правда, я не могу представить себе, как это можно исправить через войну мир, сделав его однородным. В мире живут миллионы людей, и все они разные от природы, что же всех их надо уничтожить? Как можно исправить природу? У каждого человека есть тело, есть и душа. Иногда тело может показаться кому – то некрасивым, но душа открывает людям такую красоту, которую и многие красивые внешне люди не могут её иметь. Люди, живущие в мире природы, как у нас на Урале, тоже необычные, сильные, мужественные, и что самое главное, честные. Они живут веками своей жизнью, приспособившись к природе. Как их можно переделать? Я считаю, что рассуждая о войне, вожди нас часто просто обманывают и успокаивают, прикрываясь своими идеями, а философы всегда хитрят, оправдывая разрушительные войны.

Александр продолжал говорить, но Иван перестал его слушать и стал думать о своём.

Эти люди, размышлявшие о войне и мире, показались ему мудрецами, родившимися здесь в глуши гор. Только сейчас он мог рассмотреть лица этих красивых и умных людей, рассеявшихся вокруг разгоревшегося костра, огонь которого яркими вспышками высвечивал их лица.

У Владимира он отметил выставленный чуть вперёд твёрдый подбородок, широкий и открытый лоб, подтверждавших, по его мнению, выдержку и уверенность его, как организатора всех этих действий. Весь его вид выдавал характер мужественного, сосредоточенного и заботливого человека, способного в любую минуту увлечь за собой и оказать дружескую поддержку. А здесь у костра он оказался ещё и источником идей, что, судя по всему, нравилось геологам. Иван также подумал, что не может он такого знающего, мудрого и уважаемого всеми человека больше называть по имени, что для него он с этого момента может быть только Владимиром Петровичем.

Он перевёл взгляд на Олега, высокого и стройного мужчину лет тридцати пяти. Его мысль о том, что в мире существуют идеи, захватывающие человека на всю жизнь, подтверждала и его жизненное кредо. Ведь и его с детства захватила идея покорения горных богатств. Она вовлекла его в горный институт, а теперь и вовсе он оказался среди камней в царстве гор.

Рассуждения Николая о высокой нравственной культуре человека, способной сыграть свою роль в разрешении конфликтов, о влиянии красоты природы на человека, как источника радости и богатства, также были близки Ивану.

Особенно ему нравился Александр, спокойный и доброжелательный. Ивану понравилась подмеченная им и придуманная кем-то хитрая философская мысль об оправдании войны.

Ивану показалось, что его собственный ум не способен был так глубоко мыслить, отчего он не вступал в разговоры. Ему нравилось слушать этих прекрасных людей и наблюдать их осветлённые золотым огнём лица, отмечая при этом, что ни один из них не перешёл на крик, а каждая мысль выражалась спокойным и уверенным тоном. Чувствовалось, что это были честные, умные, опытные и в делах, и в рассказах люди. Найдёт ли он своё место среди этих мудрецов, примут ли они его на равных с ними?

Время клонилось к ночи. Разошедшиеся в разговорах ребята могли продолжать беседу ещё долго, но Владимир Петрович, посмотрев на часы, уверенным тоном сказал:

– Ребята, конец дискуссиям. Спать.

Все подчинились. Остался только Александр, которому предстояло погасить костёр и навести порядок вокруг него.

Иван вошёл в палатку, нашёл в темноте свой спальник, забрался в него и быстро уснул.

Глава 5. В этих камнях столько богатства

Утром все встали рано, хотя солнце уже светило ярко, отчего плотная брезентовая палатка была полна света. Иван решил ещё раз посетить высокогорный источник с его необычайно прозрачной водой. По знакомой ему уже тропинке он подошёл к берегу Белого ключа и ещё раз восхитился зеркальным светом, исходящим от источника. Это зрелище можно было увидеть только рано утром, когда косые лучи ещё не разогретого солнца игриво отражались от белого дна и преломлялись в отсвете воды. Эта чуткая свежесть красок и утреннего света утвердили в нём хорошее предчувствие, придав ему прилив душевных сил на весь предстоящий походный день.

Когда он вернулся, геологи уже собирались на завтрак. Владимир Петрович как обычно был собранным и точно следил за распорядком, не отступая ни на минуту от своих принципов.

Ровно в десять часов утра геологи одели свои рюкзаки и двинулись по направлению к Большому Таганю, причём двое из них Николай и Александр вскоре свернули с тропы, а Владимир Петрович и Иван пошли дальше.

За свою жизнь Владимир Петрович обошёл «пол-Урала», как он сам об этом сказал, и уверенно выбирал тропинки, информируя об окрестностях своего молодого коллегу.

– Двухглавую сопку мы обогнём с южной стороны, потому что там расположены покатые горы, по которым легче можно будет взобраться на вершину, – сказал Владимир Петрович.

И они пошли по ровной каменной дорожке у подножия горы, которая всё дальше и дальше отступала от вершины.

– Наша экспедиция обследует в этот раз только часть южного кряжа, – уточнил Владимир Петрович. И далее он напомнил Ивану о том, что хребет Большого Таганя является древнейшей частью громадной складки гор, возраст которой составляет около четырёхсот миллионов лет и что ныне сохранилась только небольшая её часть. Она, разбитая на ряд хребтов, простирающихся примерно на два десятка километров с юга на север, представляла собой два горных кряжа, сложенных из кварцитов.

Иван спросил:

– Если Таганяй сложился из складок кварцитов, то, наверное, есть и другие белые ключи на Урале?

На что Владимир Петрович ответил:

– Белый ключ в районе Двуглавой сопки известный местным жителям только потому, что он расположен близ Златоуста, но горных кварцитовых ключей на Южном Урале великое множество.

Они разговаривали между собой на ходу, где на их пути встречались луга, березовое криволесье, заросли кустарников, среди которых вдруг неожиданно стали вырастать скалы с причудливыми формами.

– Далее за скалами начинается грандиозная каменная река в виде россыпей глыб и щебня, – сказал Владимир Петрович.

Он уточнил, что в этой зоне вследствие физического выветривания происходило интенсивное разрушение горных пород, вершины которых под действием силы тяжести медленно распадались и смещались по склонам хребтов.

– Вот, посмотри вперёд, сколько камней рассыпано, – сказал Владимир Петрович и указал жестом руки на огромную долину, образовавшуюся среди возвышавшихся высоких скал, похожих на два берега широкой реки.

Идти по каменной реке оказалось непросто. Ноги постоянно соскальзывали с острых сколов, надо было ещё приспособиться к движению вверх по «реке».

Вскоре Владимир Петрович остановил внимание Ивана на большом камне, выделявшемся цветом и объёмом на фоне серых больших и маленьких каменных сколов. Это был целый радужный строй из белых, жёлто-розовых, красноватых, зеленых и синих цветов, блестящих под ярким солнцем.

Владимир Петрович сказал, что такого большого авантюрина он ещё не встречал в этих местах, и стал внимательно его рассматривать, обращая внимание на необычные сочетания медово-желтых и золотисто-коричневых вкрапин. По своей форме камень тоже был необычным, с закруглённой шапкой сверху и выступающими по бокам площадками, словно специально вырубленными для отдыха путников.

– Ваня, давай сядем на приготовленные для нас драгоценные троны и представим себя в этом заповедном краю царями природы. Думаю, что ни у одного реального царя такого трона из авантюры ещё не было, – сказал Владимир Петрович.

И они уселись на него и несколько минут молчали, переводя дыхание.

Разговор начал Иван:

– Какое странное название у этого камня.

На что Владимир Петрович ответил:

– Да, уж. Не случайно. Где-то в далёкой Венеции, может, и сегодня вспоминают стеклодува, просыпавшего случайно в расплавленное стекло медные опилки, заигравшие в застывшем состоянии золотистыми блёстками. Вот и этот минерал создаёт эффект мерцания, поэтому называется авантюрин, то есть случайность. Давай немножко посидим, полюбуемся этой красотой.

Когда они отдыхали, Владимир Петрович записал что-то в специальный журнал, сказав:

– Мы нашли редкий по величине самородок, и, если его смогут вывезти отсюда и сохранить, то ему не будет цены. Однако, сделать это будет непросто, хотя такая находка могла бы стать гордостью любой коллекции.

Потом ещё раз внимательно и с разных сторон осмотрел его и вновь произнёс:

– Ваня, в этом камне столько богатства. Думаю, что неплохо было бы запастись такими образцами, и он предложил с помощью топорика сколоть отдельные его куски, причём посоветовал Ивану тем самым начать собирать личную коллекцию уральских камней.

Иван был доволен таким предложением и с энтузиазмом принялся за дело. Камешки под резким ударом топора весело отскакивали, как бы говоря: «возьми меня», «не теряй меня».

Иван поднимал каждый отскочивший камешек и бережно складывал его в кармашек своего рюкзака. Когда он был заполнен, мужчины ещё раз обошли камень, пытаясь обхватить руками, отмечая при этом, что их рук не хватает.

– Иван, а знаешь, как ещё называют авантюрин? – вдруг спросил Владимир Петрович.

– Нет, а как? – спросил Иван.

– По месту нахождения этих уникальных камней их также называют таганаитом, чем мы особенно гордимся, потому, что это название дано по Таганайскому горному массиву, где сосредоточены его значительные залежи, – ответил он.

Геологи с сожалением покидали этот обнаруженный ими клад драгоценных кристаллов, сколами оставив свою память на этом уникальном самородке.

Поход по каменной реке вверх в горы продолжился уже с отяжелевшей поклажей. Они взбирались по крутой тропинке, демонстрируя силу воли и сноровку. Впереди шёл Владимир Петрович, показывая пример и указывая путь Ивану. Иван почти повторял ход своего учителя, хотя с трудом двигался наверх. Почти полчаса длился этот подъём и, наконец, Владимир Петрович остановился и, подождав Ивана, сказал:

– Вот мы и наверху. Отдохнём немного.

Он подошёл к краю скалы и указал рукой на панораму каменной реки, по которой они только что прошли. Перед ними открывалась долина почти настоящей реки, где под лёгкой

дымкой камни превращались в воду. Если бы Иван сам только что не прошёл по этим каменным глыбам, он мог бы подумать, что, смывая всё на своём пути, бурным потоком несётся настоящий камнепад. Это была яркая и незабываемая панорама одного из уголков Таганая.

Иван, вдруг почувствовав прилив необычайного уважения к этому всезнающему человеку, сказал:

– Владимир Петрович, у вас такой целенаправленный характер. Вас уважают все геологи, вы и обо мне заботитесь как о своём сыне. Я вам очень за это благодарен.

На что тот ответил:

– Знаешь, Ваня, не стоит меня благодарить. По возрасту ты действительно мне сын, и моя задача состоит в том, чтобы таким, как ты, передать мои знания, умения, опыт. Запомни, что человек делается уверенным в себе тогда, когда он, не изменяя своим корням, стремится к любви, красоте и возвышенному познанию мира. Вы, молодые, – наше будущее. Я вижу, как ты стараешься, и уверен, что у тебя всё получится. Сейчас у нас очень мало времени и надо продолжать подъём на Двуглавую сопку, и путь этот будет труднопроходимым из-за большого количества подъемов и спусков, наличия буреломных участков, гранитных скал в виде причудливых столбов, похожих на башни и крепости. Там на разных глубинах есть вертикальные и горизонтальные трещины, поэтому надо быть внимательным и осторожным, чтобы не случилось беды.

И вот вновь, накинув свои рюкзаки на плечи, и, проверив друг у друга крепления, они двинулись дальше.

Подъём на гору оказался не сложным, а вот хождение по буреломам оставили у Ивана неоднозначное впечатление, его лицо и руки оказались поцарапанными из – за постоянно встречающихся низкорослых колючих кустарников. Они прошли мимо каменистых скал, похожих на огромные дугообразные ворота.

– Загадочный вид, – сказал Иван.

– Да! – согласился Владимир Петрович и пояснил: – Это «Чёртовы ворота», которые местное население связало с нечистой силой.

Склоны этого дугообразного гребня состояли из многочисленных террас, скальных стенок и расщелин.

Встретились и сложенные слюдыстыми сланцами Гремучие ключи, где они посидели на камне возле шумящего и падающего сверху водопада. Захотелось напиться. Иван подставил ладони к струйке воды, и она с брызгами заполнила его пригоршни, обкатив лицо. Он жадно стал пить эту воду. Живительная влага обожгла его внутри и снаружи, отчего из уст вырвались некое подобие младенческого восторга.

Иван вновь почувствовал, что не может удержаться и не сказать своему наставнику новые слова уважения к нему:

– Владимир Петрович, вы – удивительный человек. Я следую за вами, как за волшебником, и не устаю. Вы придаёте мне силы. Как мне хочется научиться вашей мудрости и быть похожим на вас.

Владимир Петрович на минуту задумался, а потом сказал:

Знаешь, Ваня, учить этому бессмысленно, если человек захочет, то он всю жизнь будет совершенствовать себя. Я уже давно пишу книгу о жизни моего рода. Только не могу окончить. Хочу рассказать своим детям, где истоки их мудрости. Хотел бы и тебе дать почитать её, но сейчас у меня с собой книги нет. Может, когда-нибудь и случится такое.

Иван ответил, что очень хотел бы прочитать её.

Посидев ещё немного, они поднялись и пошли по тропинке вдоль реки и вскоре были уже возле Белого ключа, где, сбросив рюкзаки в палатку, вышли к горевшему костру, возле которого копошился Олег.

– Где остальные? – спросил Владимир Петрович.

– Отдыхают на полянке, – последовал ответ.

– Пойдём, отдохнём и мы.

За палаткой действительно прямо на траве, раскинувшись, сладко спали Николай и Александр.

Иван и сам не заметил, как его утомлённое длительным походом тело потянулось на свежую траву и блаженно распростёрлось рядом с ними.

Сон длился не более часа. Открыв глаза, Иван увидел перед собой голубое небо. Лёгкий ветерок обдувал лицо. Он вновь закрыл глаза. Было так приятно, не двигаясь, почувствовать эту невесомость. Он слабо шевельнул пальцами рук, от движения которых в глазах поплыли лёгкие розоватые круги, которые то расплывались, то стягивались в тонкий круг, а то дробились и меняли свои цвета. Было забавно ощущать в себе такие бестелесные изменения. Вновь открыв глаза, он заметил, что по небу поплыли высокие белые облака, а, услышав голоса ребят, решил подняться.

Все уже подходили к костру, где намечался ужин.

Вечером вновь состоялись дискуссии на темы войны и мира, но Иван в неё не вступал. Усталость состоявшегося пути и завтрашний поход к горе Откликной, главной цели командировки Ивана, заняли всё его внимание и силы.

На следующее утро Иван проснулся очень рано. Не открывая глаз, он услышал, как просыпалась природа. Слабо шелестели листья деревьев и кустарников, причём он отчётливо отметил их различную тональную высоту. Ветерок стал издавать разные звуки в зависимости от того, с чем ему приходилось соприкасаться. Он услышал шум струящейся воды. Звуки слышались со всех сторон, и природа вдруг зажила для него своей особенной невидимой звуковой жизнью.

Открыв глаза, Иван вышел из палатки. Солнце только что распростёрло свои красные лучи над горами, в ущельях расплзлась синеватая дымка утреннего тумана. Его опять потянуло к источнику, и он, понимая, что это посещение может стать для него последним, медленно побрёл к целительной влаге. У Белого ключа увидел, как чистая и холодная горная вода с шумом падала сверху на гладкую зеркальную поверхность, играя серебристыми струями и вспенившимися кругами.

Возвратившись к палатке, Иван увидел, что все ребята уже встали и собирают свои рюкзаки. Была разобрана и сложена палатка, потому что следующий ночлег предполагался в другом месте.

Затем был завтрак и построение для проверки готовности к дальнейшему походу на гору Откликную.

Третий походный день начался. Владимир Петрович не отходил от Ивана, рассказывая ему об интересных местах на их пути. Теперь первым необычным местом оказались так называемые Песочные горки, тропинки которых были покрыты белым песком. Было такое ощущение, словно кто-то торжественно рассыпал его в знак появления здесь человека.

Иван спросил:

– Откуда здесь на тропинках такое торжество белого цвета?

Владимир Петрович пояснил, что когда – то в этих местах располагалась зона интенсивных тектонических подвижек, и зёрна кварца, слабо скрепленные цементным веществом, испытывали трение друг о друга. В результате выветривания белоснежный кварцевый песок отлагался по склонам гор, видимый сейчас на узких тропинках, протоптанных человеком и существующих с незапамятных времён.

– Здесь также сохранилось и огромное количество скал-останцев, порой напоминающих различных сказочных персонажей. Идёшь иногда по такому лесу, задумаешься о своём, и вдруг из – за стены зелёных деревьев неожиданно покажется огромный медведь или вообще

какое – либо чудище. Поневоле, вздрогнешь и перекрестишься, пока не поймёшь, что это стоят недвижные каменные великаны, – продолжил говорить Владимир Петрович.

– Да, к этим местам надо привыкнуть, – сказал Иван и спросил:

– А дикие звери часто встречаются на пути геологов?

– Нет, звери здесь людей не трогают, особенно, когда им еды хватает. А растёт здесь всё: ягоды, грибы, разные травы. Мелкой живности много. Горы дают пищу и приют всем зверям и птицам. Звери очень осторожны, и к человеку не подходят.

Они прошли немного вперёд, и Владимир Петрович остановился:

– Вот, смотри, россыпи самоцветного камня Урала, символа России – родонита.

Он снял свой рюкзак и с помощью топорика стал отбивать небольшие камни красного цвета, одновременно поясняя Ивану, что этот камень представляет собой силикат марганца, превращённого в плотные мелкозернистые массы с цветом от розового до красно-бурого.

Ивану захотелось набрать их как можно больше, но тяжелеть стал рюкзак, поэтому Владимир, понимая это, сказал:

– Ваня, много брать этого минерала я тебе не рекомендую. У нас ещё много интересного впереди.

Они вновь надели свои рюкзаки и отправились к Заплотному Камню, где имелся карьер по добыче многих руд и минералов. Пройдя около километра, перед ними неожиданно выросли отвесные скалы, ставшие на их пути мощной стеной среди зелёной листвы деревьев и кустарников. Обогнув полукилометровую стену – заплот, молодой геолог удивлённо остановился. Перед ним находилась огромная впадина, уходящая в глубину на десятки метров, по которой вниз по спирали дорог шли машины. Эти дороги в чаше карьера представились Ивану ярким живописным серпантином, линии лент которого опутывали его по краям.

Владимир рассказал, что в чаше находится природная кладовая многих видов минералов, и предложил ему пройти по уходившим глубоко вниз дорогам, чтобы пополнить коллекцию его камней. Сам он не пошёл, дав юноше самому разобраться в этом каменном многообразии.

Сложив на обочине карьера свой рюкзак, Иван с радостью начал спуск, где ему сразу же под ногами стали встречаться минералы, необычные и по форме, и расцветке. Примерно через час он поднялся наверх, показав карманы, туго набитые камнями. Разложив минералы на траве, он стал спрашивать у Владимира ценность той или другой находки.

К его удивлению тот легко определял минералы, как по названию, так и по значимости, отметив латунно-жёлтый с металлическим [битая ссылка] блеском пирит, драгоценный зелёно-красный турмалин, зелёный матовый органик и другие камни, а также предложил свою помощь в классификации их по прибытии домой.

Теперь коллекция камней Ивана значительно пополнилась, а рюкзак стал намного увесистее.

Но надо было двигаться дальше. Пройдя с полчаса, неожиданно Владимир остановился и подошёл к одному из камней, подозревая Ивана.

– Вот, смотри, на камне гранатовые зёрна.

Иван всматривался в капли на камнях, отмечая причудливость их цветов.

– Темно-красные гранаты – это пироп, а розовые – альмандин. Гранаты здесь известны всех цветов, кроме синего. В этих местах расположены две большие выработки гранатов под названием Ахматовская копь и добавил:

– С названиями мы разберёмся позже, а сейчас отправимся на поиски гранатов.

И они разошлись, договорившись сойтись через два часа на этом же месте, где и оставили свои рюкзаки.

Примерно часа через два они уже сидели на прежнем месте, уставшие, но с увесистой поклажей. Иван разложил свои камни, ожидая приговора Владимира, который осмотрел их и сказал:

– Молодец, почти половина из них являются гранатами. Здесь в копи можно найти почти весь род этих прекрасных минералов, но то, что ты нашёл, является достойным пополнением твоей коллекции.

Владимир посмотрел на солнце, которое медленно подступало к закату.

– Надо подбираться к лагерю, впереди ещё трудная дорога. Выдержишь? – спросил Владимир.

– Конечно, – ответил Иван.

Вечером все собрались вновь. К этому времени ушедший вперёд Николай уже подготовил общую палатку, разжёг кострище и приготовил ужин.

Место было выбрано не менее живописное, чем прежде, расположенное у самого подножия горы с большой открытой площадкой посреди камней, где горел костёр, возле которого стоял самодельный стол с лавками.

Опять был плотный ужин и часовой отдых.

Иван после ужина отдыхать отказался, решив самостоятельно прогуляться к находившемуся всего в полверсте от лагеря Откликному гребню. Владимир пошёл вместе с ним.

– Негоже отпускать тебя одного в незнакомых местах, – сказал он.

Известив дежурного Николая о своей прогулке, они налегке проследовали к горе. По камням поднялись на среднюю площадку гребня, откуда хорошо открывалась широкая на несколько десятков километров панорама Златоустовского Урала. Двуглавая сопка неожиданно представилась им древним ящером, а гора Круглица – застывшей на взлете морской волной.

– Какой величественный вид! – воскликнул Иван.

– С Откликного видна восхитительная панорама! – подтвердил его слова Владимир.

Затем они спустились с горы и оказались среди небольшого кладбища.

– Это древнее кладбище староверов, – прокомментировал Владимир.

Иван понял, что и хоронить людей здесь среди камней было делом очень непростым: древние захоронения были на небольших площадках, отмеченных воткнутыми в землю покосившимися каменными крестами.

– В наших краях и сейчас живёт много староверов. Это чистые и мудрые люди, – сказал Владимир.

Глава 6. Откликное эхо

Наступало время возвращения к геологам. Владимир посмотрел на часы и сказал:
– Пора возвращаться, приближается время процедуры вызывания Откликного эха.

Они пошли к западной отвесной скале, вид которой с резкими оскаминами вверху был впечатляющим. Иван впервые увидел так близко эту круто вздымающуюся шапку со множеством выветренных скалистых шпалеобразных завершений, ритмично чередующихся между собой. Контраст синего неба и серых обветренных острых скалистых зубов вызвал в нём чувство и восхищения и тревоги.

– Гор, издающих эхо, на Урале много, но эта гора особенная. Она может отразить многократное эхо, в чём помогают ему гребнеобразные лабиринты разрушающихся скал в верхней части почти вертикальной стены, – сказал Владимир и посмотрел в сторону, где был их лагерь.

Через некоторое время к ним стали подходить геологи и, когда все собрались, руководитель экспедиции, придумавший эту традицию, напомнил им о правилах вызывания эха.

Правила эти были простыми, но со смыслом. В течение многих лет они воспитывали у геологов смелость, коллективную решимость действий, напоминали о семейных радостях. Ведь геологам большую часть жизни приходилось подвергать себя опасностям жизни, быть наедине с собой вдали от своей семьи, поэтому эта традиция пользовалась у них в отряде большой популярностью.

Все знали легенду происхождения эха, в которой говорилось о лютном звере, обитавшем много лет назад в пещере Таганайского хребта. Он хватал и пожирал людей. Однажды мимо горы шёл святой пустынник, увидавший, как огромное чудовище вылезало из пещеры на охоту. Он обратился к богу молитвой, и Господь внял ему, каменной глыбой убив чудовище, но как напоминание об этом оставил в лабиринтах гор его долгий голос.

Владимир придумал три испытания. Каждый геолог должен был как можно выразительнее и громче прокричать слова «Вы-хо-ди, чу-до-ви-ще», причём голос должен был как можно дольше по времени прозвучать в ущельях горы.

Второе испытание было направлено на коллективное противостояние чудовищу, в котором они дружно хором посылали слова: «Нас не ис-пу-гать».

Третье задание обязывало каждого геолога громко отправить весть своей жене, назвав её имя.

Победителем признавался тот, кому откликнется самое длинное эхо.

Была и награда. Кроме особого почитания в этот день, вручался и венок из дубовых листьев, собираемый дежурным по лагерю. В этот раз его заранее приготовил Николай.

Это было похоже на наивную детскую игру, но геологи и были в чём-то похожи на детей. Это их забавило, но в этом был и здравый смысл.

По команде Владимира первым вступил в бой с чудовищем как обычно Владимир. Его «Вы-хо-ди, чу-до-ви-ще!» прозвучало решительно и громко. Голос очень точно нашёл резонирующий звук на верхнем уровне, отчего он долго перекидывался от одного утёса к другому. Все хором начали счёт: «Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь». Это была заявка на победителя.

За ним вступил в права своего голоса Олег: «Раз-два-три-четыре-пять-шесть...» насчитали мужчины.

– Неплохо! – похвалил его Владимир.

Настала очередь Ивана. К сожалению, долгого звука не получилось, потому что он недостаточно набрал в грудь воздуха, и ребята насчитали всего пять переключек.

Далее вдохнул в себя воздух Николай. Он широко раскрыл рот, запрокинул голову, расправил плечи и послал звук так, что все его сильные мышцы плеч и лица растянулись и выдвинулись вперёд. Слово «Выходи» он превратил в протяжный звук «выи-и-ха-а-ди-и-и-и», а зву-

чание «чу-у-до-о-о-вис-че-е» ушло вверх долгим, полным и звучным. Ребята дружно и громко считали: «Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь-восемь». Это была победа.

Настала очередь Александра, многократного рекордсмена в этих состязаниях мужчин. Он так же, как и Николай, долго готовился, чтобы набрать в себя побольше воздуха, и, откинувшись назад, своим громким голосом прорычал мощно и долго, но на счёт «Семь» всё затихло.

Потом началось второе действие коллективного устрашения чудовища. Все приготовились и по команде Владимира на четыре счёта закричали: «На-а-ас не ис-пу-га-а-ать»!

Долго слышался гул над Таганаем и, казалось, вот-вот сама гора рассыплется от такого хора мощных мужских голосов.

Третье индивидуальное приветствие жёнам вызывало некоторое оживление в голосах мужчин. Жёны, находясь по домам, хотя и не слышали их голосов, но знали об этой их традиции позывных в их адрес.

Мужья публично громко вспоминали имена своих любимых женщин, что являлось проявлением к ним искренних чувств.

Первым вступил, как обычно, Владимир, имя «По-ля-а-а» долго кружилось над вершинками гор, улетев в сторону Уржумки. Все считали: «Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь...»

Вторым отправил своё приветствие Олег. Его «О-ля-а-а!» звучало до счёта «шесть».

Теперь настала очередь Ивана отослать своё послание. Его «Ма-ша-а-а» было послано с такой силой и страстью, что геологи переглянулись. Все стали считать: «Раз-два-три-четыре-пять-шесть-семь...», такое достижение для Ивана стало полной неожиданностью.

Николай послал своей «Ни-не» любовь на «семь» баллов, а Александр своей «Ю-ле» – на «шесть».

Венок победителя на этот раз был вручён Николаю.

По окончании церемонии награждения, Иван подумал о целесообразности таких звуковых состязаний, увидев весёлые и довольные лица ребят. Ему вспомнились слова, прочитанные когда-то в институтской библиотеке о том, что слова и звуки могут резонировать события, обладая сильной смысловой и эмоциональной властью.

В эту ночь он долго не мог уснуть, но потом усталость взяла своё. И снился ему сон. Яркое красное солнце уходило за горы, вначале исчезла половина, потом четверть и, наконец, тоненькое очертание полукруглой красной полоски осталось над вершиной обнажённых камней горы Откликной.

Запущенное групповое эхо долго перекатывалось по ущельям, вызвав луну, игриво усеившуюся на междугорбье самой высокой скалы. Казалось, что она улыбалась геологам.

Все геологи расположились у палатки, однако, Александр сказал, что нет Владимира.

Все стали его звать, но он не откликнулся, и геологи решили отправиться на его поиски.

Иван поддержал намерения ребят, но одновременно стал сомневаться в правильности этого решения, ведь в темноте он и сам мог запутаться среди бесчисленных ущелий, останцев, деревьев, зарослей. Но, несмотря на это, он вместе со всеми готовился к поискам.

Вдруг Александр закричал, что пришёл Владимир, который взволнованным голосом сообщил о появившихся в ущельях горы невиданных диких чудищ, объявивших геологам войну.

– Эти рукокрылые полчища, вылетающие из пещер окрестных гор, собирались в ущельях, чтобы напасть на нас. Каждый такой зверь-птица издавал звуки, от которых закладывало уши, – взволнованно говорил он.

Владимир призывал геологов не бояться их, быстро одеть кольчуги, взять златоустовские клинки из булатной стали и отправиться на борьбу с ними.

Все согласились встать в строй и немедленно отправиться защищать горы от нашествия чудовищ.

Первым как предводитель шёл Владимир, за ним, не нарушая прежнего порядка, встал Олег, и далее Иван, Николай и Александр.

Подходя к ущелью, все увидели неисчислимое скопление этих крыланов, которые чёрными пятнами расселись по всему горному хребту. Их вид устрасал яркий металлический блеск, полёт был быстрым с резкими бросками и крутыми поворотами. Они выставляли свои острые клыки и махали широкими зонтообразными крыльями.

Владимир благословлял всех на подвиг:

– Да помогут нам кольчуги и стальные клинки, вперёд за мной на полчища поганых крыланов!

И геологи, выставив вперёд острое, как бритва, оружие, ринулись на врага. Сам он, показывая пример, круговыми взмахами рубил врагов на земле и в воздухе. Примеру Владимира последовал Олег, который также легко, играя клинком и делая зигзагообразные движения в воздухе, уничтожал врагов.

Иван на некоторое время стал как бы историческим наблюдателем этой схватки и видел, как Николай и Александр ринулись в самую гущу чудовищ, рассекая их в воздухе.

На какое – то время, когда чёрные их тучи рассеялись, он посмотрел вверх и увидел на подставке, где ранее лежала золотая луна, свою жену с сыном на руках. Иван закричал и с удвоенной энергией стал круговыми движениями рубить чудовищ.

Вдруг Маша закричала, предупреждая его о приближении новых ещё больших по размеру чудовищ. Он оглянулся и увидел, как из дальней пещеры прямо на них летит эта чёрная стая. Это увидел и Владимир, воскликнув:

– Да удлинятся наши родные златоустовские булаты, ребята рубите их сверху!

Иван к своему удивлению увидел, как клинки стали не только изгибаться налево и направо, но и вытягиваться вверх настолько, насколько это нужно было для уничтожения врагов.

Летающая стая падала на остроту стальных ножей, превращая землю в чёрное поле трупов. Он взглянул вверх, но там уже никого не было, лишь на подставке снова появилась бледная хитро подмигивающая ему луна.

Он проснулся. В горах гремела гроза. Дул сильный ветер и слышалось гулкое суровое его завывание. Он слышал, как по палатке застучали первые капли дождя.

Дождь шёл до полудня, поэтому на станцию отправились уже во второй половине дня и возвратились поздно вечером.

В своей казённой комнатке Иван уснул сразу, а утром, выглянув в окошко, увидел, что дождь прошёл и ярко светило только что вышедшее из-за гор солнце, бликами скользившее по деревьям.

Он оделся, вышел на крыльцо. Уральская природа вызывала у него ощущение полноты жизни. Он восхищался её таинственностью, видя подсвеченные солнцем кроны могучих деревьев, склонившиеся над пропастью и без страха проникших в пучину устрашающих впадин. Ему хотелось запечатлеть в памяти эти тонкие линии гор, влажное волшебство света, дающие ощущение силы и загадочности.

Он смотрел вдаль, вспоминая детали состоявшейся экспедиции. Интересно то, что видел он своих новых друзей как бы со стороны, пытаясь оценивать по отдельности свои действия и действия геологов.

Находясь в задумчивости, Иван не заметил, как к нему подошёл Владимир Петрович, положивший руку на его плечо.

– Любуешься красотой наших гор, Ваня? – спросил он.

– Да, от такой красоты невозможно просто так уйти. Как быстро пролетело время. Очень хочется запомнить эту красоту и вернуться сюда вновь, – ответил Иван.

– Надеюсь, что это произойдёт. Но должен тебя известить, Ростислав Викторович выслал за тобой машину, – продолжил Владимир.

– Да, жаль, что надо уезжать.

– Мы всегда будем рады тебя принять.

Разговор прервался, потому что из двери стали выходить геологи, на которых Владимир обратил внимание.

– Пора приводить себя в порядок и собираться на завтрак, – сказал он.

Через час все уже сидели за широкими лавками, сколоченными у крыльца.

После завтрака Владимир вышел из-за стола и, обращаясь ко всем геологам, сказал:

– Ребята, сегодня закончилась первая неделя служебной командировки Ивана и хочется сказать ему дружеские слова. Думаю, что разделю общее мнение в том, что нам он стал другом и, надеюсь, будет перспективным геологом. Очень хочется верить, что ты, молодой человек, полюбил эти сказочные горы так же, как и мы, и понял, какой это тяжёлый, но очень интересный труд быть геологом.

Потом Владимир предложил высказаться всем остальным геологам. Беседа затянулась почти на час. Ребята говорили дружеские слова и договорились писать друг другу письма.

Когда все геологи отошли к палатке, Иван подошёл к Владимиру Петровичу и сказал:

– Дорогой мой друг, Владимир Петрович. Я несказанно рад, что познакомился с вами. Очень хочу и дальше продолжить работу с вами, о чём буду просить Ростислава Викторовича.

Владимир Петрович ответил своим согласием, но сказал, что это зависит не от него.

Вскоре прибыла грузовая машина, на которой Иван и отправился в обратный путь.

Водитель машины, назвавшись Дмитрием, не сдерживая себя в эмоциях, сразу стал рассказывать о сложных участках дороги, о своей холостяцкой жизни, о происшествиях, случавшихся в горах.

Иван слушал всё это сквозь сон, обволакивавший его сознание. Монотонность дороги укачивала, но ямы на дороге, в которые попадало колесо машины, постоянно заставляли просыпаться.

Три часа времени прошли незаметно, и вот уже показались дома на улицах Златоуста. Машина остановилась у здания горсовета. Взяв с собой тяжёлую сумку с грузом минералов, Иван, поблагодарив водителя, поднялся в кабинет Ростислава Викторовича, который уже поджидал его.

Через час они были уже дома, где их радостно встречала Ксения Григорьевна.

Глава 7. Ванечка приехал

– Ванечка приехал. Ну, здравствуй, наш дорогой. Замучили там тебя друзья – геологи. Ты даже похудел, как я вижу. Проходи, пожалуйста, домой, – говорила она.

И далее по-хозяйски, обращаясь к обоим мужчинам, она добавила:

– Приводите себя в порядок, и за – стол. Будем откармливать нашего дорогого друга.

Аромат кушаний ударил в нос Ивана, вновь был уставлен искусно приготовленными Ксенией Григорьевной уральскими кушаниями стол, за которым он с восхищением рассказывал хозяевам дома о своей экспедиции, а хозяйка напомнила о том, что вечером приезжает Маша.

После обеда Иван занялся разбором своей сумки с минералами, отложил лучшие из них для хозяев и Маши и принялся писать письмо в Почеп.

Здесь, в доме Ростислава Викторовича, он имел возможность спокойно подумать о своей семье, выражая свои искренние чувства жене, называя её ласково Машенькой, единственной и ненаглядной. Он спрашивал о сыне, просил подробно сообщать о нём. Не забыл спросить и о здоровье дедушек и бабушек.

Хотя Иван и хорошо спал в эту ночь, но его глаза в тишине незаметно сомкнулись сами по себе, и он уснул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.